ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 3 ЯНВАРЬ 1980

Москва. Зимние каникулы. Кремлевский Дворец съездов.

ГОД НАЧИНАЕТСЯ С КАНИКУЛ

Б. СОЛОВЬЕВ, К. ЮРЬЕВ

Фото А. БОЧИНИНА

По счастливому совпадению, Новый год и зимние школьные каникулы начинаются одновременно. Без сказочного волшебства здесь, по-видимому, не обошлось — во всяком случае, так считают ребята. И елки — зеленые, пушистые, еще сохранившие на лапах серебристый лесной иней — пришли к людям в дома. Спору нет, елка дома — это очень хорошо, но разве может небольшая, домашняя, скромная елочка сравниться с теми, что встречали в эти дни ребят в театрах, дворцах культуры, концертных залах. И разве могут, в свою очередь, эти большие елки сравниться с «главной» елкой страны — той, которая стоит в Кремлевском Дворце съездов. О, это совсем особая елка! Ее, наверное, привезли в Москву на специальной платформе, а во дворец вносила по меньшей мере дюжина богатырских дедов-морозов — такая она высокая и пушистая!

И еще... Эта елка не просто елка в прямом смысле слова, которая «зимой и летом стройная, зеленая была». Это прежде всего праздник: веселье, смех, песни, новые друзья, подарок в красивом конверте, который вручает каждому в конце представления симпатичная Снегурочка. И еще: елка — это память о Новом годе. Ведь не зря говорят: как его встретишь, таким он и будет. А уж «сказочный» коллектив Кремлевского Дворца — Дед Мороз, Снегурочка, Белоснежка, семь Гномов, Емеля с говорящей Щукой и новый персонаж — олимпийский медвежонок Миша постарались сделать так, чтобы елка надолго запомнилась, чтобы ребята от души повеселились, чтобы было потом о чем рассказать родителям и друзьям...

Но новогодняя елка — лишь одна из многочисленных радостей, ожидавших ребят в дни зимних каникул. Сотни тысяч школьников страны провели эти дни на загородных базах отдыха. Среди них и многие московские школьники.

(Продолжение на 28—29-й стр.)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 3 (2740)

12 ЯНВАРЯ 1980

ПЕРЕГОВОРЫ МЕЖДУ ДЕЛЕГАЦИЯМИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И ФРАНЦУЗСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Возрождается к новой жизни Кампучия — страна, пережившая годы полпотовского террора. Действуют фабрики и заводы, поднимаются из руин больницы и школы. На снимке: работница Пномпеньской текстильной фабрики.
Фото В. БУДАНА (ТАСС)

ВОЗРОЖДЕННАЯ КАМПУЧИЯ

7 января 1979 года над Пномпенем взвилось знамя Единого фронта национального спасения Кампучии, объединившего все силы, выступавшие против полпотовского режима геноцида. За неполные четыре года чудовищного «социального эксперимента», разработанного в Пекине, клика Пол Пота убила три миллиона ни в чем не повинных людей.

Победа патриотов открыла новый этап в жизни страны — этап возрождения, независимости, свободы и продвижения к социализму. 11 января была провозглашена Народная Республика Кампучия.

Дорогой ценой обретена свобода, глубоки и еще кровоточат раны. Но революция уверенно набирает темп, расчищая путь среди унаследованных хаоса и разрухи. За год после победы окрепла народная власть на местах, созданы народные комитеты самоуправления. Уже действует почти половина существовавших до войны предприятий. На 570 тысячах гектаров рисовых полей завершается уборка урожая. Восстановлены порты, аэродромы, железная и шоссейные дороги.

Советский Союз, Вьетнам и другие социалистические страны оказывают Кампучии эффективную помощь.

С первого дня существования молодой республики не утихает кампания клеветы, развернутая против нее в Пекине и Вашингтоне. Неудивительно, что в этом усердствует Китай — ведь именно его ставленников вышвырнули из Пномпеня. Удивительнее метаморфоза, которая произошла с западными «радетелями» прав человека.

Но как бы ни старались реакционеры, перемены в Кампучии необратимы. Ее законное правительство — Народно-революционный совет — признали уже более тридцати стран и национально-освободительных движений. Под руководством ЕФНСК кампучийский народ борется за строительство мирной, независимой, демократической, нейтральной и неприсоединившейся Кампучии, идущей по пути к социализму.

«Руководствуясь принципами марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма,— говорится в телеграмме, которую товарищи Л. Брежнев и А. Косыгин направили Председателю Народно-революционного совета НРК, Председателю ЦК ЕФНСК Хенг Самрину по случаю первой годовщины победы кампучийского народа,— Советский Союз будет и впредь всемерно крепить отношения тесной дружбы и сотрудничества с Народной Республикой Кампучией на благо советского и кампучийского народов, в интересах дела мира, демократии и социализма».

Б. ЛАБУТИН

ИЗВЕСТЕН ВСЕМУ МИРУ

Обложка этого журнала всегда привлекает внимание своей выразительностью и яркостью, а на сей раз она особая — юбилейная: по ней можно проследить его историю, она наглядно демонстрирует постоянную актуальность этого интересного, содержательного журнала.

«Журнал «Советский Союз» — это открытая для всех панорама жизни первой страны

8 января в Центральном Комитете КПСС начались переговоры между делегацией Коммунистической партии Советского Союза во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и делегацией Французской компартии во главе с Генеральным секретарем ФКП Ж. Марше.

В состав делегации КПСС входят член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, член ЦК КПСС, председатель президиума Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами З. М. Круглова, кандидат в члены ЦК КПСС, первый заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС В. В. Загладин.

В состав делегации ФКП входят член Политбюро, секретарь ЦК ФКП М. Гремец, член Политбюро ФКП Ф. Лазар, члены ЦК ФКП Д. Монте и Ж.-П. Маньон, заместитель заведующего Международным отделом ЦК ФКП П. Лемаэк.

В ходе переговоров товарищи Л. И. Брежнев и Ж. Марше рассказали о положении в СССР и во Франции, о деятельности КПСС и ФКП. С обеих сторон было уделено большое внимание развитию международной обстановки, проблемам мира, разоружения и разрядки. Были затронуты также вопросы отношений и сотрудничества между двумя партиями.

В беседе, прошедшей в сердечной, дружеской обстановке, принял участие помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов.

На снимке: во время переговоров.
Фото В. Мусаэльяна (ТАСС)

реального социализма, ее славного прошлого, динамичного настоящего, вдохновляющего будущего,— говорится в приветствии Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева коллективу редакции, авторскому активу и читателям журнала.— Видные государственные и общественные деятели, заслуженные люди труда, ученые, писатели, журналисты высказывают на его страницах свою точку зрения по самому широкому кругу внутренних и международных проблем, выражают мнение по актуальным вопросам современности».

Этим приветствием открывается юбилейный номер. Читая его дальше, мы найдем в нем статью члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина «Плановое управление экономикой — новый этап» и сообщение о Всесоюзной конференции сторонников мира. Фотоочерки рассказывают о Южно-Таджикском территориально-производственном комплексе и строительстве БАМа, об Университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы и сегодняшнем дне столицы Калмыкии Элисты, о новых программах советского цирка и о республиканском празднике гончаров в литовском городе Шяуляе. Как всегда, в номере есть сказка для детей с красочными иллюстрациями и цветные репродукции картин, есть разнообразная информация о новостях в науке и спорте.

Основанный полвека назад М. Горьким, журнал «Советский Союз» (тогда он назывался «СССР на стройке») ныне выходит на двадцати языках и известен всему миру. Более ста тридцати стран благодаря этому журналу знакомятся с достижениями советской экономики, науки и техники, искусства и культуры. За большую работу по освещению советского образа жизни, внутренней и международной политики КПСС и Советского государства, пропаганде идей мира, социальной справедливости, дружбы и сотрудничества между народами журнал «Советский Союз» награжден орденом Ленина.

В ДОБРЫЙ ПУТЬ

В канун Нового года Государственная комиссия приняла в постоянную эксплуатацию железнодорожную линию Тында — Беркакит. Строители БАМа завершили год славными трудовыми победами.

Еще вчера вторая очередь «Малого БАМа» как бы экзаменовала своих строителей, испытывала их мужество и инженерную эрудицию, умение бороться с коварством Севера. А сегодня люди испытывают стальные пути большими скоростями.

Железная дорога, идущая от Тынды на север... Кажется, еще совсем недавно машинисты отделения временной эксплуатации управления Бамстройпуть водили по ней небольшие составы, доставляя к месту укладки рельсы и другие строительные материалы. А в обратную сторону, на юг, из Нерюнгри шли составы с якутским углем, но малыми скоростями. Под колесами тепловозов тогда была «дышащая», неприкатанная колея. Это закономерно — так начинаются все железные дороги. И первые шаги по ним делают машинисты временной эксплуатации, люди, дающие дорогам путевки в жизнь.

Три года строился якутский участок БАМа, линия Тында — Беркакит. Три года, с каждым днем удлиняя маршруты и увеличивая скорости, водил по ней строительные поезда машинист-наставник Виталий Белоусов. И вот час расставания. На станции Тында-1 Белоусов вручил символический жезл своему коллеге Ивану Рябову, машинисту первого тындинского отделения эксплуатационников БАМа. Сегодня, когда дорога принята в постоянную эксплуатацию, Рябов ведет в Беркакит состав из семидесяти вагонов.

...Легким толчком тепловоз тронул состав. Колеса, наращивая скорость, застучали весело и звонко. И в каждом их перестуке я, казалось, слышал отзвуки слов Виталия Белоусова:

— В добрый путь! В добрый путь! В добрый путь!..

— А путь до Беркакита действительно добрый? — спросил я его, когда шум уходящего состава затих вдали.

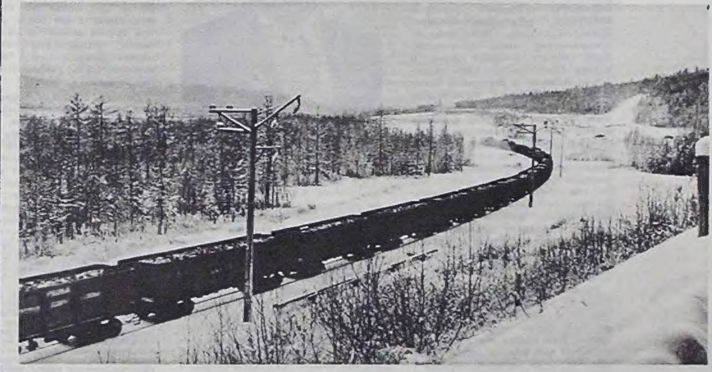
— Отличный путь! Сделан на совесть. Даже там, где у дороги сложный рельеф, состав идет мягко, ровненько. Можно держать скорость в семьдесят и более километров в час...

Чувствовалось, что Белоусов и сейчас там, в кабине тепловоза. В последний раз, теперь уже мысленно, проходил он все 220 километров дороги. Завтра у Белоусова начнется новый путь. Завтра он поведет состав рабочего поезда по зыбкой, не прикатанной еще дороге на запад по чарскому направлению БАМа.

В тот день волновался не только машинист Белоусов. На станции Могот мерил шагами еще пахнущее краской помещение 23-летний инженер Эдуард Мажев. Сегодня он самостоятельно заступил на пост дежурного по станции. А рядом, в пустом пока зале ожидания, также волновался строитель Марат Минигалиев, построивший вокзал. Через несколько часов он вместе с друзьями по бригаде сядет в вагон пассажирского поезда и простится с Моготом. Теперь их путь — на восток, возводить очередную станцию БАМа. Таков удел строителей. Но они уходят, оставляя «Малому БАМу» на память 1300 метров первого бамовского тоннеля, пробитого в вечной мерзлоте, почти двести мостов, добротные вокзалы и современные поселки с многоэтажными строениями...

Якутский участок БАМа — в строю! В добрый путь!

В. КУЗНЕЦОВ,
собкор. «Огонька»
Фото автора



БАМ работает: из Нерюнгри идет очередной состав с углем.

Марат Минигалиев строил вокзал в Моготе.

Машинист-наставник В. Белоусов передает символический жезл машинисту Н. Рябову.

...И РАСКРЫВАЮТСЯ СЕ

Б. СМИРНОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

●

Вишневая балка — это поселок в черте Волгограда. Впрочем, сейчас города так разрослись, что не сразу разберешь, где кончается город и начинается пригород. Вот и здесь: сворачивает машина с широкой городской улицы, пересекает квартал многоэтажных домов — и вокруг тебя уже сады за невысокими заборчиками, одноэтажные домики сельского типа и разъезженные грузовиками колеи на улицах.

— Трудный район! — вздыхает заведующий отделом пропаганды и агитации Краснооктябрьского райкома партии Маина Ивановна Гермашева, показывая дорогу в лабиринте переулков.— Индивидуальный сектор. Понимаете, по генеральному плану здесь скоро будут новые большие дома, и всякое строительство пока запрещено. А живут в Вишневой балке в основном рабочие производственного объединения «Баррикады». Им ведь не потом, а сейчас нужны и газ, и водопровод, и транспорт к дому... Да нет, народ у нас грамотный, все понимают, что существует очередность,— вон, поселок Тир ближе к центру, так он только-только перестраиваться начинает! Каково в этой ситуации Зимину работать! Но они здесь молодцы: избирательная кампания по выборам в Советы только начинается, а агитпункт в Вишневой балке уже вовсю действует!

Меня предупредили, что агитпункт не блещет парадной красотой. Но и снаружи и внутри в доме все очень чисто, ухожено, уютно. Уже позже я услышу слова: «Этот дом для нас лучше дворца» — и буду вполне согласен: сразу видно — в нем удобно работать. И, как позже выяснилось, здесь умеют работать с душой.

В зале двое играли в шахматы. Когда мы вошли, навстречу поднялся высокий, военной выправки человек с широким рядом орденских планок на костюме.

Отодвинув костыль, шагнул, чуть прихрамывая, навстречу.

— Зимин Николай Афанасьевич, начальник цехового ОТК завода «Баррикады» и заведующий агитпунктом. А это мой друг, парторг, Турков Степан Григорьевич... Ну, что же, садитесь.

— Партийное поручение работать в агитпункте,— начал Николай Афанасьевич,— я получил четверть века назад. У нас, прошедших войну, выработалась особая черта. характера: получил задание — выполни в срок и как можно лучше! Так первые годы и шло: лекции, встречи, мероприятия — все точно по плану. Не хуже других, как говорится, работали. А у меня что-то на душе накапливалось... Раз после выборов, когда стали собирать в агитпункте имущество, я не выдержал, сказал вслух:

— Так все и закончилось?

— А что, хорошо поработали! Сколько встреч в агитпункте провели... И народа всегда много было! Антирелигиозную лекцию, правда, мало кто слушал, так что же их — за рукав тащить?

Н. А. Зимин.
Фото В. Сметанникова

Все соглашаются, продолжают собираться. А у меня перед глазами надписи, которые я, как член избирательной комиссии, прочел на бюллетенях. Одни просят что-то для себя, другие к депутатам обращаются: «Голосую с радостью, но не забывайте о наказах», «Обращаюсь к вам с просьбой позаботиться об инвалидах войны на нашей улице...» К нам обращаются, а мы собираем имущество и уезжаем. До следующих выборов! Словно бы начали с человеком говорить, вызвали на откровенность — и оборвали на полуслове!

Так я и высказался на парткоме завода. «Ну, и что же ты предлагаешь?» «Предлагаю сделать агитпункт постоянно действующим». «Это как? Такого мы еще не пробовали...» «Ну, я попробую!» На том и порешили. Теперь мне отступать, как говорится, было некуда. А в резерве у меня, кроме энтузиазма, ничего нет — ни инструкций, ни методических указаний на этот счет не существует...

Николай Афанасьевич нетерпеливым движением скинул наброшенное на плечи пальто, провел, успокаиваясь, рукой по волосам. Я на секунду представил, каким он был раньше, — нет, не двадцать пять лет назад, а на войне, в разведке.

— Пошел я в партийную организацию при домоуправлении, вот к нему,— весело кивнул Зимин в сторону шахматного партнера.— Сразу нашли общий язык. И вопросов набралось уйма: кто и что будет делать, из чего эта работа сложится, хватит ли нас на год... Мы не знали тогда, что вопросы будут не исчезать, а расти, как снежный ком. Чувствовали, что затеваем новое дело, а как подступиться к нему — только гадали.

Создали актив из коммунистов, обратились в школу — там нас поддержал завуч Василий Аверьянович Кукишев, сейчас он директор школы. Ну, первым делом — собираем общее собрание жителей поселка. Пришел народ. Я объясняю, чего мы хотим, прошу помощи — давайте, мол, вместе решим, как постоянный агитпункт работать будет... Кто-то говорит: хорошо бы о торговле послушать, чем нас порадовать собираются! Другие кричат: служба быта пусть объяснится! Я все записываю, даю, как говорится, высказаться. Главное, у людей интерес к нам появился. Теперь не подкачать! И вот после работы и я и другие активисты мечемся по городу, уговариваем интересных людей приехать к нам. Зато такие встречи стали устраивать — люди валом валят!

Дальше Зимин и Турков вспоминают вместе, как удавалось найти интересного лектора, как люди стали сами заходить в агитпункт — и пошла, стала налаживаться общественная жизнь в поселке. От субботника не откажешься — неудобно, все идут; с соседом не поругаешься — чего доброго, начнут обсуждать в агитпункте, стыда не оберешься! Да и веселее жить дружно — глядишь, в организациях стали прислушиваться к голосу улицы. С магазином разобрались, тротуар сделали...

Ему за эти годы не раз задавали вопрос: вы, Николай Афанасьевич, человек занятой, работающий, инвалид войны — вам ли нервничать в поисках лектора или хлопотать в конторах насчет водопровода? После рабочего дня — в дождь, жару, мороз и всегда пешком, на простреленных своих ногах... Лучше поберечь здоровье. Ведь говорят же: своя рубашка ближе...

Думал ли он о «своей рубашке», когда в 1941 году в горящем Сталинграде рвался в бой и только приказ заставлял его, умелого токаря-расточника, оставаться в цехе и ремонтировать оружие? Сейчас Зимин смеется: он тогда боялся, что война кончится, а он не успеет повоевать. Ему приказали сопровождать в тыл уцелевшее оборудование, но эшелон разбомбили, и Зимин оказался на фронте в дивизии добровольцев. Первый бой — под Калинином, под Оршей получил автоматную очередь в живот, под Ковелем друзья вынесли его из боя с перебитыми ногами. Закончил войну в Варшаве ранением в руку. А потом, уже после Победы, он вернулся в Сталинград с загипсованной рукой и сразу же пошел восстанавливать завод. Ирония судьбы: среди развалин нетронутым уцелел только один станок, самый сложный, самый ценный — координатно-расточный — его станок! Но с изувеченной рукой уже не сможешь «поймать микроны», и Зимин стал учить молодых ребят, воспитал целое поколение токарей-расточников... Может, таким его сделала память об отце, красном комиссаре, скончавшемся от полученных под Царицыном ран. А может, это влияние времени? Да, то было трудное время, и главным достоянием его стали люди, не умеющие думать только о себе.

— Теперь смотрите, что получилось дальше,— продолжал Николай Афанасьевич.— Я стал замечать, что с дальних улиц Вишневой балки люди не очень-то ходят к агитпункту: непогода, усталость, из дома выходить не хочется. И возникла идея создать подобие агитпунктов прямо... в домах у людей!

— Это что-то совсем новое...

— Хотите, посмотрим? Здесь недалеко!

Мы вышли к машине. Зимин не без труда забрался на переднее сиденье, но вскоре решительно тронул шофера за плечо, обернулся:

— Знаете, давайте лучше пешком!

Опрятный зеленый дом, окна с наличниками. На стене красная доска с надписью: «Дом агитатора». Дверь открывает удивленная пожилая хозяйка, но тут же, узнав Зимина, приглашает: «Заходите, заходите». От стола поднимается хозяин.

— Григорьев Иван Николаевич. А это жена, Анна Дмитриевна.

— Вы, значит, агитаторы?

— Нет, мы не агитируем, мы дом отдаем. Пятого и двадцатого числа каждого месяца. Заходит агитатор, говорит, какая лекция будет или кто приедет, время назначит. А уж тогда хозяйка моя обежит соседей и всех предупредит. Вот и сходятся все к нам, слушают. Была в тот раз женщина, про воспитание рассказывала,— повернулся Иван Николаевич к Зимину,— так всех увлекла — просто заслушаешься! Без бумажки говорила. Пришло человек пятнадцать, все наши стулья были заняты и еще лавка.

— Так ведь хлопот от стольких гостей много...

— Какие хлопоты! — подхватывает Анна Дмитриевна. — Посидели, поговорили да разошлись. Для нас прямо праздник! А то сидим, как сурки. Мы ведь пенсионеры, Иван Николаевич шофером был, я рабочая. Сын у нас, внучка, а все, кажется, мало заходят. Вот мы и рады людям!

— А кто приходит?

— Да всякий пойдет — и старые и молодые. У нас ведь просто, лектору какой хочешь вопрос можно задать. Вот и интересно любому. А летом и того лучше — в саду стулья расставим, народу больше приходит...

— Вы понимаете, что это за люди? — взволнованно говорил Зимин, когда мы вышли из дома.— Беспартийные, а какое большое партийное дело делают! Не год, не два — почти два десятка лет!

…РДЦА

— Как же вы их нашли?

— Искали. Ходили по улицам, по домам. Первыми предоставили свои дома Пелехов Николай Михайлович, офицер запаса, Аржанцева Елизавета Тимофеевна, Павлов Сергей Павлович... Бесконечная им, нашим добровольным помощникам, благодарность!

— И много таких домов агитатора в поселке?

— На двадцати улицах 22 дома! Не сразу, постепенно все складывалось. Один дом в год — уже хорошо! Зато теперь мы, агитаторы, в самой тесной близости с народом, мы знаем все, что интересует почти каждого в поселке, мы оперативно можем донести до людей любое решение...

— Скажите, Николай Афанасьевич, как все же обобщить то, что сделано агитпунктом в Вишневой балке за четверть века?

— Такой вопрос мне задавали... Что, цифры нужны? Да какой арифметикой подытожишь духовный рост людей? То, что они стали добрее друг к другу, культурнее, сознательнее, что в парнишке пробудился к чему-то интерес, в старике возросло чувство благодарности... Наша работа строится на годы вперед. Кстати, и всевозможных нарушений в поселке год от года стало меньше, на некоторых улицах их и вовсе уже нет. Это заслуга самих жителей, а не каких-то там усиленных милицейских нарядов.

— Зато проблем быта, благоустройства, наверное, прибавляется?

— Я ведь не один работаю! У нас совет агитаторов — целый отряд активистов. Завод наш, «Баррикады», способен решать все проблемы — к директору или в партком я могу идти по любому вопросу. Райком, райисполком нашего Краснооктябрьского района — ни одного шага без них не удалось бы сделать! С председателем депутатского Совета Зайцевым Виктором Михайловичем постоянный контакт... Только так. Вот общими усилиями добились недавно — газ к домам провели. Не ко всем еще, правда. Кстати, надо сегодня в исполком зайти... Торговля, транспорт, благоустройство — вопросов масса. Но у нас, в совете агитаторов, есть правило: ни от одного вопроса не уходить. Жить одной жизнью с улицей, дышать ее заботами — это и есть наша партийная работа.

...Увы, всего не расскажешь. О том, что происходило за эти двадцать пять лет в Вишневой балке, можно было бы написать объемистую брошюру. О праздниках улиц, в которые вложена фантазия и энтузиазм самих жителей, о проводах допризывников, о конференции отцов, о конкурсах домов, о добрых делах и добрых людях, которыми полнится этот крохотный клочок приволжской земли.

Александр Васильевич СВЕШНИКОВ

Советская культура понесла тяжелую утрату. На 90-м году жизни скончался выдающийся деятель советского музыкального искусства, Герой Социалистического Труда, народный артист СССР, лауреат Государственных премий СССР и РСФСР, профессор Александр Васильевич Свешников.

Верный сын Коммунистической партии, А. В. Свешников всю свою жизнь, творческие силы отдал советскому искусству, борьбе за народность, высокую идейность музыкального творчества, за торжество принципов социалистического реализма. Его многогранный талант музыканта и организатора особенно ярко проявился в таком демократическом виде музыкального искусства, как искусство хорового пения.

А. В. Свешников родился в 1890 году в г. Коломне. Музыкальное образование получил в г. Москве. Весь его трудовой путь неразрывно связан с основными этапами становления советской культуры. А. В. Свешников работал уполномоченным Наркомпроса по борьбе с беспризорностью, преподавателем музыки, заведующим музыкальной частью студии МХАТ, художественным руководителем Ленинградской академической капеллы, хоровой капеллы Всесоюзного радио. Он почти сорок лет руководил Государственным академическим Русским хором СССР.

А. В. Свешников был талантливым педагогом, воспитавшим несколько поколений широко известных советских музыкантов. В трудное военное время по его инициативе было организовано Московское государственное хоровое училище, более четверти века в качестве ректора возглавлял он Московскую государственную консерваторию им. П. И. Чайковского.

Активно и плодотворно участвовал А. В. Свешников в общественной жизни. В течение ряда лет он был председателем Всероссийского хорового общества, неоднократно избирался депутатом Моссовета и Ленсовета.

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили заслуги А. В. Свешникова. Ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда, народного артиста СССР, лауреата Государственных премий СССР и РСФСР. Он награжден тремя орденами Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, медалями.

Творчество Александра Васильевича Свешникова, художника-коммуниста, выдающегося представителя советской музыкальной культуры, вдохновенного пропагандиста русской музыки, навсегда останется в благодарной памяти нашего народа.

Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Д. А. Кунаев, А. Я. Пельше, Г. В. Романов, М. А. Суслов, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, В. В. Щербицкий, Г. А. Алиев, М. С. Горбачев, П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, П. М. Машеров, Б. Н. Пономарев, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев, Э. А. Шеварднадзе, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, К. В. Русаков, Г. Ф. Сизов, Т. Я. Киселев, А. А. Епишев, А. И. Шибаев, Е. М. Тяжельников, В. Ф. Шауро, В. П. Елютин, С. Г. Лапин, В. Н. Макеев, Г. М. Марков, В. Ф. Промыслов, Ф. Т. Ермаш, В. Н. Кочемасов, З. М. Круглова, Л. А. Кулиджанов, Б. Н. Пастухов, Т. Н. Хренников, Б. А. Александров, Ю. Я. Барабаш, М. И. Блантер, Л. Н. Венедиктов, Л. Г. Зыкина, Д. Б. Кабалевский, Д. Г. Китаенко, Б. И. Куликов, Н. В. Кутузов, В. Ф. Кухарский, В. С. Левашов, С. А. Лушин, Ю. С. Мелентьев, Н. К. Мешко, С. В. Михалков, Е. А. Мравинский, А. Г. Мурин, А. Г. Новиков, А. Н. Пахмутова, М. В. Пашков, Н. А. Пономарев, К. Б. Птица, Г. Н. Рождественский, А. В. Романов, А. В. Рыбнов, Е. Ф. Светланов, Г. В. Свиридов, В. Г. Соколов, Б. М. Терентьев, С. П. Ткачев, З. П. Туманова, Ю. В. Ухов, А. Г. Флярковский, А. Н. Холминов, М. И. Царев, О. А. Чекиджян, В. А. Чернушенко, Р. К. Щедрин, Г. Г. Эрнесакс, А. Я. Эшпай.

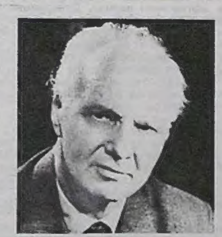
Степан Петрович ЩИПАЧЕВ

Советская литература понесла тяжелую утрату. На 82-м году жизни скончался один из зачинателей советской поэзии, выдающийся русский поэт Степан Петрович Щипачев.

Участник гражданской и Великой Отечественной войн, член КПСС с октября 1919 года, Степан Петрович Щипачев прошел большой и яркий путь убежденного борца за идеалы коммунизма.

В своих стихах Степан Щипачев воспел трудовой и воинский подвиг советских людей, любовь к социалистической Отчизне, стремление к миру и дружбе народов, нравственное богатство современников, красоту родной природы. Произведения Степана Щипачева, посвященные В. И. Ленину, стали значительным вкладом в поэтическую Лениниану. Его стихи и поэмы, развивающие лучшие традиции русской классической поэзии, отмеченные задушевностью и лиризмом, нашли широкое признание у читателей, переведены на многие языки народов нашей страны и за рубежом. Произведения поэта были дважды удостоены Государственной премии СССР.

Партия и Советское правительство высоко оценили заслуги



С. П. Щипачева, наградив его орденами Ленина, Октябрьской Революции, Дружбы народов, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета», тремя орденами Красной Звезды, медалями.

Видный общественный деятель, С. П. Щипачев был делегатом XXII съезда КПСС, избирался членом МГК КПСС, председателем правления Московской писательской организации.

Человек большого личного обаяния, принципиальный коммунист, он щедро делился своим опытом и знаниями с литературной молодежью.

Произведениям поэта предстоит долгая жизнь в родной литературе, светлая память о Степане Петровиче Щипачеве навсегда сохранится в сердцах его товарищей по поэзии, в памяти советских людей.

В. В. Гришин, А. П. Кириленко, М. А. Суслов, К. У. Черненко, П. Н. Демичев, М. С. Соломенцев, И. В. Капитонов, М. В. Зимянин, А. А. Епишев, В. Н. Макеев, С. Г. Лапин, Б. И. Стукалин, Е. М. Тяжельников, В. Ф. Шауро, Б. Н. Пастухов, Г. М. Марков, М. Н. Алексеев, А. А. Ананьев, Н. П. Бажан, С. А. Баруздин, А. А. Беляев, Ю. В. Бондарев, П. У. Бровка, Ю. Н. Верченко, Н. М. Грибачев, М. А. Дудин, Ю. В. Друнина, Г. А. Жуков, Е. А. Исаев, Р. Ф. Казакова, Л. В. Карелин, В. П. Катаев, А. П. Кешоков, В. П. Кобенко, В. М. Кожевников, В. Н. Кочетков, Ф. Ф. Кузнецов, С. Ю. Куняев, Л. М. Леонов, С. В. Михалков, С. С. Наровчатов, В. М. Озеров, Б. Н. Полевой, М. П. Прилежаева, Р. И. Рождественский, С. В. Сартаков, И. Ф. Стаднюк, А. А. Сурков, Ю. Н. Суровцев, М. Танк, В. Д. Федоров, А. Б. Чаковский, В. Д. Цыбин, А. Н. Чепуров, М. С. Шагинян, О. Н. Шестинский, М. А. Шолохов.

ТОРЖЕСТВО РЕВОЛЮЦИИ

Вадим **КАССИС**,
Кахар **РАШИДОВ**

Итак, апрельская революция 1978 года, свершенная афганским народом, получила свое дальнейшее логическое развитие. Свергнут кровавый диктаторский режим Хафизуллы Амина и его приспешников.

Афганистан — многонациональная страна. Здесь проживают пуштуны, таджики, хазарейцы, узбеки, туркмены, белуджи, нуристанцы и другие племенные группы. Тот, кому приходилось бывать в этом государстве прежде, знает, какому гнету подвергались все они, с какой верой смотрели в будущее, борясь за свободу, отстаивая ее.

Под мощным натиском этой борьбы рухнули мрачные бастионы деспотизма. Апрельская революция, положившая конец засилью архаичных производственных отношений в социально-экономической жизни страны, дала импульс развитию совершенно новых форм организации производства. Она открыла путь к демократии, справедливости, восстановлению правопорядка, законности, конституционному правлению.

Как отмечает Генеральный секретарь ЦК НДПА, Председатель Революционного совета и премьер-министр Демократической Республики Афганистан Бабрак Кармаль, великие принципы уважения к исламской религии, уважение народных, семейных и национальных обычаев также, несомненно, найдут свое отражение в конституции ДРА. Этот важный, ожидаемый всеми документ будет разработан при участии широких народных масс, исходя из самых прогрессивных позиций.

Новый этап революции всегда нелегок, чреват неожиданностями. Старое, отжившее не желает добровольно уступать дорогу. Вот почему наряду с социально-экономическими преобразованиями, естественно, важнейшей задачей руководства республики и всего народа на данном этапе является защита завоеваний апрельской революции, защита государства, его национального суверенитета.

Силы внутренней и внешней реакции, повенчанные с империализмом, не останавливаются ни перед чем. Они пустили в ход самые гнусные пропагандистские приемы. Клевета и дезинформация, постоянное передергивание фактов об истинной обстановке в Афганистане обрели черты своеобразного идеологического плацдарма для психологических атак на Демократическую Республику Афганистан.

Под лживым предлогом защиты ислама оголтелые круги империализма применяют свой испытанный метод: создают бандитские отряды для диверсионной деятельности против народной власти, покровительствуют кучке укрывшихся у них предателей и изменников афганского народа. Доподлинно известно, что в подготовке банд мятежников принимают участие в тесном альянсе с Центральным разведывательным управлением США пекинские гегемонисты. Это их инструкторы — офицеры китайской армии готовят террористов на базах, расположенных в Пакистане. Это с их помощью лишь на днях было переброшено через пакистано-афганскую границу более 20 тысяч единиц боевого оружия. В связи с этим канадский журнал «Маклинз мэгэзин» отмечает, что не случайно в 1979 году высокопоставленная военная делегация Китая во время визита в Пакистан побывала в районе пакистано-афганской границы.

Но у Афганистана есть и другая, от первого до последнего километра дружественная граница. В самом конце прошлого года народы наших стран отметили первую годовщину подписания Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между СССР и ДРА. Он явился важным вкладом в дальнейшее укрепление традиционных отношений дружбы и сотрудничества между нашими государствами.

При содействии Советского Союза в Афганистане пущены в строй или находятся на стадии строительства свыше 130 различных объектов. Опытные советские специалисты готовят инженерно-технические кадры, в которых так нуждается афганская экономика. Растут и крепнут торговые связи.

Вот почему, когда над Афганистаном нависла прямая угроза вооруженного вмешательства извне, он прежде всего обратился с настоятельной просьбой к СССР об оказании срочной политической, материальной, экономической помощи, включая военную. В этом проявилось огромное доверие к бескорыстному соседу и другу — Советскому Союзу.

В эти дни мы беседовали со многими афганцами. Они считают, что великие принципы пролетарского интернационализма и равноправия уже одержали верх. Революция торжествует!

КАБУЛ (По телефону.)

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ПАНОРАМА МЕЖДУНАРОДНАЯ ПАНОРАМА

США

КАК ВЫЖИТЬ?

Самое бедное меньшинство Америки — индейцы — живет изолированно и в наименее удобных районах страны. Их около 850 тысяч человек, влачащих жалкое существование. Горечь и пессимизм, беспомощность, а порой и ненависть — так примерно можно охарактеризовать основное настроение бывших хозяев Америки.

Хотя земли индейских племен располагают 50 процентами всех американских запасов урана и третьей частью бедного серой каменного угля в открытых горных выработках на американском Западе, хотя в индейских землях имеется большое количество нефти и газа, радоваться им нечему. Ни одного индейца нет в правлении угольных компаний, ни один индеец не играет сколько-нибудь влиятельной политической роли ни в одном штате США.

Минимум четвертая часть земли, принадлежавшая индейцам, сдана в аренду или уступлена белым. Крупные энергетические концерны пользу-

ЮАР

В ЗАСТЕНКАХ АПАРТЕИДА

«Я прошу пострадавших простить меня,— сказал он.— Прошу прощения у всех, кто по моей прямой или косвенной вине был арестован, подвергнут пыткам или разлучен с семьей. От всей души сочувствую их страданиям».

Человек, произнесший эти слова,— агент секретной службы ЮАР, который бежал за границу. В течение 20 лет метис Александр Ламберт работал в портовом городе Дурбане в качестве агента Бюро государственной безопасности (БОСС). Потом он бежал в Швецию. По его словам, он не хотел больше быть пособником режима апартеида.

О своей работе в качестве агента секретной службы ЮАР Ламберт рассказал журналу «Штерн». Его сообщение показывает вездесущность и жестокость южноафриканской службы безопасности и подтверждает обвинения в пытках и убийствах, которые вот уже много лет предъявляет оппозиция, а власти опровергают.

Сначала Ламберт был простым полицейским, но потом его завербовала секретная служба. Он начал свою карьеру в качестве поставщика мелких сведений. С магнитофоном под пальто и с микрофоном, вмонтированным в наручные часы, он стоял по воскресеньям под церковными кафедрами и записывал проповеди либеральных священников.

ются преимущественным правом на угольные и урановые месторождения, где проживают племена кроу, пуэбло-лагуна, чейенны и навахи.

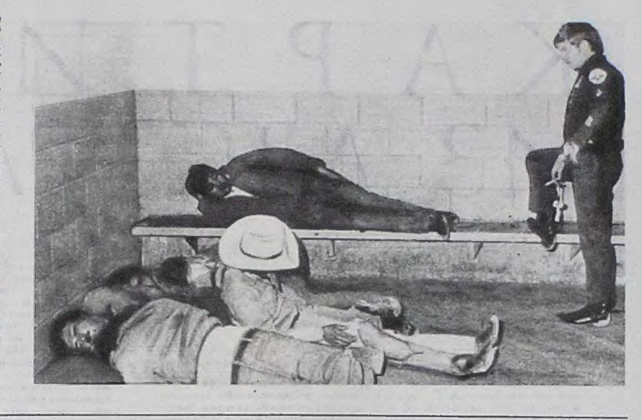
«Нас обманывают уже в течение нескольких столетий»,— жалуется Питер Макдональд, представитель племени навахо — самого крупного племени североамериканских индейцев, насчитывающего 150 тысяч человек. «Мы не хотим, чтобы из нас и дальше выжимали все соки»,— заявляет Флойд Коррея из соседнего племени пуэбло-лагуна, располагающего значительными месторождениями урановой руды и каменного угля.

Три тысячи его соплеменников, проживающих в резервации, имеют «очень печальный опыт»: урановую руду, принадлежащую индейцам, добывают, перерабатывают и продают белые компании. Подлинным владельцам остаются в соответствии с договором, заключенным 25 лет тому назад на неопределенный срок, лишь жалкие крохи. «Их так мало, что мне стыдно говорить об этом»,— замечает Коррея.

Почти все резервации, говорят специалисты, занимающиеся изучением проблем индейцев, превратились в «трущобы под открытым небом», которые отличаются от гетто латиноамериканцев или негров только своим сельским ландшафтом и просторами.

Большинство домов там мрачны и убоги. Безработица в резервациях колеблется от 30 до 50 процентов, детская смертность здесь во много раз выше, чем у белых. Большинство индейцев неграмотно. Среди индейцев широко распространен алкоголизм.

История заселения Соединенных Штатов Америки — это история истребления и притеснения их коренных жителей. По мнению Сэма Делорка, лишь часть его соплеменников имеет шансы выжить. «Кое-кому это удастся, другим нет»,— говорит этот юрист из племени сиу.



На снимке: по любому подозрению, а иногда просто «для профилактики» индейцев бросают в тюремную камеру.

ЧИЛИ

ТЕМНЫЕ ДЕЛА ПИНОЧЕТА

Вот уже более шести лет фашистский режим генерала Пиночета свирепствует в Чили. Пиночет объявил себя поборником патриотизма, гражданских свобод, экономического либерализма. На самом деле шесть лет существования полицейских порядков на службе у «национальной добродетели» привели лишь к одному — образованию системы экономических привилегий и коррупции, которая позволила военной верхушке и в особенности родственникам Пиночета захватить несметные богатства.

У чилийских военных алчный аппетит. Недавно жалованье генералам было увеличено более чем вдвое. Чилийская армия пожирает 43 процента национального бюджета. При населении, равном численности населения Португалии, Чили тратит сейчас на военные нужды столько же, сколько эта европейская страна расходовала в самый разгар колониальных войн. Однако сейчас Чили не ведет войн, если не считать войны против собственного народа, большинство которого страдает от нищеты, безработицы и низкой заработной платы.

Высшие офицеры чилийских вооруженных сил пользуются привилегиями при покупке предметов роскоши, они освобождены от уплаты таможенных пошлин и получают кредиты под малый процент для совершения крупных закупок.

Но еще большие привилегии и выгоды находятся в руках членов семьи Пиночета. Похоже, что они завидуют семейству Сомосы, которое в свое время присвоило себе более половины всех предприятий Никарагуа. За шесть лет пребывания у власти чилийский генерал, так охотно взывающий к христианской морали, не добился еще того, чего династия Сомосы достигла за почти сорокалетнее правление. Но он на верном пути. Сестра диктатора владеет обувной фабрикой, которая изготовляет армейские сапоги. Она же возглавляет руководство портом Икике. Его зять является директором административного совета лесопромышленных предприятий. Другой зять руководит национальным телевидением. Вторая сестра Пиночета занимается импортом автомобилей из США. Один из его племянников благодаря протекции был назначен директором крупной фирмы.

Это лишь часть темных комбинаций, совершаемых радетелями «подлинного патриотизма».

На снимке: солдаты на улицах Сантьяго.

Он расспрашивал учащихся о политических взглядах их учителей. Он также фотографировал присутствовавших на мероприятиях объявленного ныне вне закона Африканского национального конгресса.

Но у сотрудников БОСС нашлась для него и другая работа. Все чаще ему поручали устанавливать подслушивающие устройства в домах и конторах «врагов государства». Если секретной службе не хватало улик, Ламберт еще раз проникал в дом, подбрасывал враждебные правительству листовки и коммунистическую литературу, чтобы скомпрометировать оппозиционеров. На следующий день полиция неожиданно устраивала обыск.

Секретная служба и полиция безопасности ведут беспощадную борьбу с врагами апартеида. Агент БОСС был свидетелем зверского обращения с политическими заключенными в Дурбане, в соседнем с ним Питермарицбурге и в Намибии, находящейся под властью ЮАР. После ареста, по словам Ламберта, заключенных заставляли снимать с себя все до нижнего белья. С завязанными глазами, с руками, скованными наручниками за спиной, они лежали в полицейском автомобиле лицом вниз. Потом в течение трех дней их держали в одиночных камерах. Им давали только суп или чай, в котором были растворены вещества, расслабляющие организм. Ламберт видел, как обращались с заключенными, которые не хотели говорить. Полицейские, держа свои жертвы за руки и за ноги, раскачивали их и затем бросали о стену. Им клали на живот доску, и полицейские, которые вели допрос, раскачивались на ней, как на качелях. Их подвешивали за ноги так, что голова до бровей была окунута в ведро с водой, и пытали электрошоком.

На снимке: расправа полицейских с демонстрантами Соуэто.

По материалам зарубежной прессы.

КАРТИНЫ ИЗ АВСТРАЛИИ

Ирина ДАНИЛОВА,
доктор искусствоведения

Несколько месяцев назад в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве экспонировалась выставка картин из двух австралийских музеев — Национальной галереи Виктории в Мельбурне и художественной галереи Нового Уэльса в Сиднее. Это вторая в Советском Союзе выставка, присланная к нам из Австралии; на первой были показаны рисунки XV—XX веков.

1979 год положил начало нашему знакомству с культурными и художественными ценностями этой страны. В обмен советские музеи послали своим австралийским партнерам выставку русской и советской графики, а также западноевропейской и русской живописи. Мне посчастливилось побывать в Мельбурне на ее открытии в новом великолепно оборудованном здании Национальной галереи. Экспозиция пользовалась в Мельбурне небывалым успехом. Зрителей поражало превосходное художественное достоинство присланных экспонатов: в разделе западноевропейской живописи «ударным» полотном была картина Караваджо из Эрмитажа, в разделе русского искусства — пейзаж Шишкина. Но не только это — самый факт прибытия картин из Советского Союза оказался сенсационным. Вернисаж превратился в своеобразную демонстрацию дружеских отношений с нашей страной, знакомство с ее бытом, культурой: в вестибюле музея были представлены русские книги, альбомы, фотографии, продавались русские сувениры, читались популярные лекции. Даже в ресторане в первые дни выставки было русское меню, а вокруг музея стояла очередь — явление, не столь уж обычное для Мельбурна.

Москвичи, в свою очередь, помнят, каким успехом пользовалась в дни минувшего октября австралийская выставка в музее изобразительных искусств. Представленные на ней полотна свидетельствовали о высоком качестве коллекций художественных музеев Мельбурна и Сиднея. Экспозиция начиналась с итальянской живописи эпохи Возрождения XVI века. Среди экспонатов — превосходный «Портрет неизвестного мужчины», приписываемый кисти великого Тициана, произведений которого нет в Москве. Другому знаменитому венецианскому художнику, современнику Тициана Якопо Тинторетто, принадлежит портрет венецианского дожа Пьетро Лоредано. XVI век как век блестящего расцвета портретной живописи в Венеции был достойно представлен на выставке.

Но особенно богат был раздел искусства XVII века. Здесь прежде всего привлекал внимание «Мужской портрет» Рембрандта, относящийся к периоду наивысших живописных свершений мастера. Портрет исполнен со свойственным позднему Рембрандту проникновением в непостижимые глубины внутренней жизни человека, с характерной для него экспрессией светотеневого решения и свободой живописного мазка. Голландская живопись века Рембрандта была показана в полотнах таких крупных мастеров, как Гоббема, Саломон и Якоб Рейсдали, Терборх. Фламандская школа фигурировала эффектным по живописи парадным портретом Ван Дейка.

Для специалистов и любителей живописи — постоянных посетителей музея — особенно интересен был небольшой, свежо и смело написанный портрет молодого человека, до последнего времени считавшийся работой Веласкеса. Недавно удалось выяснить, что это автопортрет знаменитого итальянского скульптора и архитектора Лоренцо Бернини.

Но особенно богата и разнообразна была экспозиция английской живописи XVIII—XIX веков. Для советских зрителей раздел представлял тем больший интерес, что английское искусство того времени в наших собраниях представлено весьма скупо. Выставка же давала возможность проследить развитие портрета с самого начала XVIII столетия. Внимание зрителей привлекал чрезвычайно любопытный групповой портрет работы Артура Дэвиса, который изобразил супругов Клевей с детьми, отдыхающих в парке. Эта картина, несколько наивная по исполнению, но обаятельно искренняя, принадлежит к особому типу семейного буржуазного портрета, распространенного в Англии XVIII века и называвшегося «Собеседование». Портрет Артура Дэвиса, воспроизведенный в цвете на афише московской выставки, стал своеобразной ее эмблемой.

Лучшим полотном этой экспозиции можно считать портрет Элизабет Ротсли работы замечательного мастера Томаса Гейнсборо, одного из самых изысканных колористов XVIII века. Образ юной героини проникнут мягким лиризмом: нежнейшая моделировка лица сочетается с виртуозной передачей шелка и кружев одежды; кажется, что живописец едва касается кистью полотна. В противоположность Гейнсборо смелая манера Рейнолдса отличается сочным колоритом, уверенностью и свободой кисти, особенно в великолепном портрете леди Френсис Финч. Рейнолдс был признанным главой английской портретной школы второй половины XVIII века. Его работы так же, как картины Гейнсборо и их младшего современника, шотландца Ребёрна, оказали сильнейшее воздействие на портретную живопись многих национальных школ Европы и Америки. Перекличку с английским портретом можно найти и в русской живописи XVIII века, особенно в чудесных портретах Рокотова, похожих и в то же время так не похожих на полотна Гейнсборо.

Самым замечательным достижением на рубеже XVIII и XIX веков становится пейзаж; в развитии этого жанра Англия намного опередила другие европейские страны. Если многие показанные в Москве картины еще связаны с традицией классической пейзажной живописи XVII века, то Джон Констебл, работавший в первой трети XIX века, выступает как смелый новатор, порвавший с традиционными схемами, условными приемами построения пейзажа и обратившийся к непосредственному изучению природы. Одним из первых он начинает работать под открытым небом, непосредственно на пейзаже, добиваясь небывалой для того времени свежести в передаче натуры. Его краски, чарующие нас своим насыщенным, но сдержанным колоритом, современникам казались слишком яркими, режущими глаз, почти кричащими. Констебл сыграл роль своеобразного предтечи пейзажной живописи французских импрессионистов. На выставке он был представлен четырьмя отличными полотнами.

Два больших полотна Тёрнера относятся к началу 1800-х годов, то есть к раннему периоду его творчества. Они дают представление об эффектной маэстрии его кисти, хотя их тональный колорит далек еще от безудержной колористической фантазии более поздних работ художника.

Несомненный интерес для советских зрителей представляло полотно Берн-Джонса «Святой Георгий, побеждающий дракона». Это пример искусства так называемых прерафаэлитов — одного из значительных художественных течений в Англии середины XIX века. Борясь с шаблонными приемами академической живописи, с мелочным и поверхностным анекдотизмом английского бытового жанра тех лет, прерафаэлиты пытались подражать и в сюжетах и в манере исполнения итальянским мастерам раннего Возрождения. Многие черты их искусства предвосхищали живопись европейского символизма конца XIX столетия.

Важный раздел выставки представляла австралийская живопись XIX века, мало известная вне пределов Австралии. История ее начинается лишь с середины XIX века. Она создавалась людьми, прибывшими из Европы, и поэтому, естественно, во многом повторяла основные стилевые признаки европейского искусства. Самый интересный и оригинальный жанр здесь — пейзаж. Зачинателем австралийского пейзажа считается англичанин Главер, переселившийся в страну в 1831 году. Хотя художник работал в традициях европейского пейзажа академического толка, сама природа на его полотнах, ее дикие красоты, обширные пространства, буйная растительность наложили печать своеобразия на эти произведения. Большую роль в становлении национального пейзажа сыграл швейцарец Луи Бювелот, воспитавший целое поколение молодых европейских романтиков. Позднее, в творчестве мастеров 80—90-х годов, можно наблюдать влияние импрессионизма. Но важнее другое — несмотря на несомненные переклички с основными стилевыми течениями искусства Европы, австралийская живопись второй половины XIX и начала XX столетия обладает несомненным своеобразием — прежде всего в передаче ярких красок неба, синих гор, ни с чем не сравнимого австралийского освещения и воздуха, даже сейчас, в нашу индустриальную эпоху, сохранившего свою поразительную «первозданную» чистоту и прозрачность. Полотна, показанные в Москве, давали возможность, пусть и в очень скромной степени, почувствовать обаяние неповторимой красоты природы Австралии, своеобразие жизни и быта ее людей.

Музеи Мельбурна и Сиднея богаты сокровищами искусства, и мы надеемся, что наше сотрудничество, столь удачно начатое, будет успешно продолжаться.

Хотелось бы в ближайшие годы увидеть у нас в Советском Союзе большую ретроспективную выставку австралийского искусства, а также народное творчество австралийских аборигенов, у нас совсем неизвестное, поражающее высоким художественным уровнем.

Джошуа Рейнолдс. 1723—1792. ЛЕДИ ФРЕНСИС ФИНЧ. 1781—1782

Якопо Тинторетто. 1518—1594. ДОЖ ПЬЕТРО ЛОРЕДАНО. 1567—1570.

Национальная галерея Виктории. Мельбурн

ИЩУЩИЙ НАХОДИТ!

Доказано: кто не экономит в малом, не экономит и в большом.

Кажется, сущий пустяк: шланги соединены неплотно, и сжатый воздух через эти крохотные лазейки уходит, но оказывается, что на Могилевском автомобильном заводе имени Кирова с потерями сжатого воздуха теряется в год более 60 тысяч киловатт-часов электроэнергии. Вот так пустяк! На том же автозаводе до сих пор не налажено нормирование расхода энергоресурсов по цехам и энергоемким агрегатам. Не менее 200 тысяч киловатт-часов электроэнергии теряется в год из-за того, что никто не «догадывается» отключить силовые трансформаторы, когда завод не работает.

Между тем здесь же, в Могилеве, есть предприятия, где рачительность во всем давно стала законом. На заводе «Строммашина», например, только за четвертый квартал 1979 года сэкономлено 186 тысяч киловатт-часов электрической энергии, или 3,5 процента от нормы потребления, а планируемая норма — три процента.

На Минском станкостроительном заводе имени Кирова действует правило: ориентироваться на систему, до мельчайших деталей продуманную и разработанную. Здесь активно действует комиссия, которая настойчиво ищет пути экономии материальных ресурсов и повышения эффективности производства. А ищущий, как известно, находит! Одно из недавних коллективных предложений участников поиска — внедрение автоматического управления компрессорами. В переводе на язык экономии это примерно 150 тысяч киловатт-часов электроэнергии в год. Добавим, что за 1979 год предприятие сэкономило миллион 176 тысяч киловатт-часов.

Электротехнический завод имени Козлова расположен недалеко от станкостроительного. Заглянуть бы к соседям да поучиться! Но есть такое понятие, как «сами с усами». Вот и не хотят замечать, что, скажем, греться электроэнергией — слишком дорогое удовольствие (тепло от парового или водогрейного котла примерно в три раза дешевле, чем от электростанций!). Когда сюда заглянули инспекторы энергонадзора, то их даже в жар бросило: электричеством обогревали проходные. Почти полторы тысячи киловатт-часов в квартал зря транжирили.

Да, поистине — удивительное рядом. Инспекторский надзор взял своеобразную пробу на производственном объединении «Бобруйскшина», и выяснилось, что много тепловой и электрической энергии расходуется впустую. Не выдерживается, скажем, технология подогрева смеси, и она уходит в брак, предварительно проследовав через все подготовительные звенья, а затем — на городскую свалку. Вместе с ней, образно говоря, выбрасывается и потраченная на подготовку смеси энергия — ни много ни мало 736,9 тысячи киловатт-часов в год. И это только в одном технологическом цикле. А их — не один и не два.

...Известно, что экономия счет любит. На нем и держится. И тут нельзя не коснуться проблемы средств и способов учета расходования электроэнергии. Доказано, сколь эффективна автоматизированная информационно-измерительная система учета и контроля. Белорусский филиал энергетического научно-исследовательского института имени Кржижановского такую систему разработал. Она годится и для промышленных предприятий, и для села, и для транспорта. Восемь крупных предприятий республики уже используют ее. Но внедрена она не всюду — кабеля не хватает. Не хватает даже таких простых приборов, как однофазные и трехфазные электросчетчики, низковольтные трансформаторы тока. Кажется, совсем недавно электросчетчиков было хоть пруд пруди. Нынче их днем с огнем не сыщешь. Заявки удовлетворяются лишь на 15—20 процентов. Куда же делись счетчики?

Одним из главных поставщиков их был Вильнюсский завод электроизмерительной техники. Теперь (то ли сам завод инициативу проявил, то ли плановые органы так решили) здесь выпускают, кроме прежней продукции, клавишные электронные счетные машины и автоматизированные системы учета и контроля электроэнергии ИИСЭ1-48. Они, без сомнения, нужны народному хозяйству. Но нужно было либо запланировать увеличение мощностей завода, либо организовать производство электросчетчиков где-то на другом предприятии.

Дело энергоинспекции — обнаружить утечку и указать, откуда она. Дело производственников и хозяйственников — утечку остановить. И как можно быстрее.

В. ЖОРОВ,
начальник службы энергонадзора Белглавэнерго.
А. ЩЕРБАКОВ,
собкор «Огонька».

Минск.

НЕДОПУСТИМОЕ РАСТОЧИТЕЛЬСТВО

В «Огоньке» № 40 за прошлый год была опубликована заметка С. Лузина «К зиме готовы», в которой сообщалось, что в Ленинском районе г. Москвы еще в мае техники-смотрители вместе с начальником жэка № 12 обошли квартиры жильцов, записали неполадки, а в июле начались работы по ремонту тепловой сети. Этот жэк обслуживает более двух тысяч квартир.

В нашем жэке № 2 Кировского района Волгограда дела обстоят иначе, хотя, как и везде, есть и начальник, и инженеры, и слесари. Но основное время они проводят в кабинетах. Никто из руководства не заглядывает в журнал заявок, в который жильцы записывают свои просьбы о ремонте. Создается впечатление, что этот журнал не смотрят и сами сантехники. Договариваться нужно с глазу на глаз — тогда все будет сделано. Я предлагаю, чтобы в жэках наряды выдавали слесарям на руки. Выполнили наряд — квартиросъемщик расписался, и в журнале не будет ложных отметок.

Отопительный сезон начался с 15 октября, но в наших домах холодно и по сей день: батареи чуть теплые. Мы постарались утеплить квартиры: заклеили окна, обили двери, но это не помогает. Я несколько раз подавал заявку, чтобы промыли батареи, но ее никто не выполняет. Так обстоят дела в нашем и в соседних домах. Видимо, руководство нашего жэка вовремя не приняло необходимых мер, да и сейчас плохо следит за порядком. Вот поэтому жильцы пользуются обогревательными приборами, что резко увеличивает расход электроэнергии. И это происходит сейчас, когда все предприятия включились в борьбу за экономию электроэнергии. На наш взгляд, подобная бесхозяйственность — недопустимое расточительство.

В. НИКИТИН,
пенсионер

Волгоград.

От редакции. В «Огонек» приходят письма из разных концов страны, в которых читатели рассказывают, как подготовились к зиме райисполкомы, жэки, сами жильцы. Москвичи провели месячник по завершению предзимних работ и осеннему благоустройству города: проверялись отопительные трубопроводы, тепловые сети электростанций, утеплялись квартиры. «Огонек» уже писал об этом. И все-таки в некоторых московских домах очень холодно. В редакцию пришло письмо от пенсионерки И. Я. Гродзенской, проживающей на Славянском бульваре в доме № 37. Она сообщает: «Температура в комнате 16—17 градусов, пол ледяной, батареи чуть теплые. Обогреваемся мы газом и электроприборами. Я неоднократно обращалась в жэк и РЖУ, но обе эти организации подошли к делу формально».

Жители поселка Покровка, Мартукского района, Актюбинской области тоже жалуются на холодные батареи: давно не работает паровое отопление. Заместитель председателя райисполкома А. Ф. Герасименко ответил, что факты подтвердились, но исправить положение можно только летом 1980 года, когда будет проведена наружная теплотрасса. Следовательно, в эту зиму, чтобы не сидеть в холодных квартирах, жителям Покровки придется включать дополнительные электроприборы.

Как видно из редакционной почты, уроки прошлогодней суровой зимы для некоторых руководителей жэков прошли даром. «Мы, безусловно, за экономию тепла, но за разумную экономию, которая может быть обеспечена только при правильной подготовке зданий к зиме и при правильной подаче тепла в дома»,— пишут читатели.

Бесхозяйственная трата электроэнергии — преступная халатность, и за любое расточительство государственных средств нужно нести ответственность. Редакция ждет конкретных ответов от конкретных работников исполкомов и ведомств, ответственных за допущенные просчеты.

КТО ДИКТУЕТ ТЕМП

С. БОРИСОВ

Фото М. САВИНА

Если считать, что у каждого предприятия есть свое лицо, то у Курского трикотажного комбината оно будет, наверное, самым молодым в области. Не потому, что предприятие существует двенадцать лет — по нашим временам срок уже немалый. Просто много на комбинате молодежи. «В тридцать лет у нас становишься почти ветераном»,— с некоторым сожалением сказал заместитель секретаря парткома С. Н. Медведев, который сам, кажется, близок к этому «критическому» возрасту. Такая молодежная специфика во многом определила здесь характер партийной работы. Задачи перед комбинатом стоят серьезные — это одно из четырех крупнейших и передовых предприятий отрасли в стране, дающее десять миллионов кофточек, свитеров, жакетов и прочих подобных изделий в год. Молодая энергия, энтузиазм, расторопность должны сочетаться тут с очень высокой производственной дисциплиной, с полной мерой ответственности на каждом рабочем месте. Не случайно из пятисот восьмидесяти членов Коммунистической партии, работающих на комбинате, большинство — молодые рабочие. И они всегда впереди: из семидесяти человек, уже выполнивших свои пятилетние планы, многие — коммунисты. Этот пример, по-моему, стал лучшим подтверждением тому, что главные хозяйственные задачи комбината оказались в прямой зависимости от идеологической работы.

— Кто поступает на комбинат? В основном молодежь из сел и деревень Курской и ряда соседних областей,— рассказывает секретарь парткома Р. М. Викулова.— Теперь мы редко набираем рабочих, как говорится, «с улицы», в основном кадры дает наше СГПТУ. И потому партийная организация взяла под контроль самые первые шаги будущих рабочих уже с тех пор, когда они входят в училище. Хотя нет, даже раньше,— когда мы проводим на комбинате «день открытых дверей», чтобы помочь абитуриентам сделать выбор...

— Вот вы сказали — берем под контроль. Но ведь это прежде всего задача руководителей самого училища — как им опекать своих учеников.

— Правильно,— согласилась со мной Римма Михайловна,— но и партийная организация фабрики в стороне не остается... Впрочем, давайте я познакомлю вас с нашей швеей, коммунистом Надеждой Криволаповой, она вам все на примере объяснит.

Надежда Криволапова шла по цеху уверенной, хозяйской походкой. Я сразу узнал ее — фотография швеи висит на Доске почета у проходной, специальный стенд сообщает, что Криволапова одной из первых на комбинате выполнила свою пятилетку.

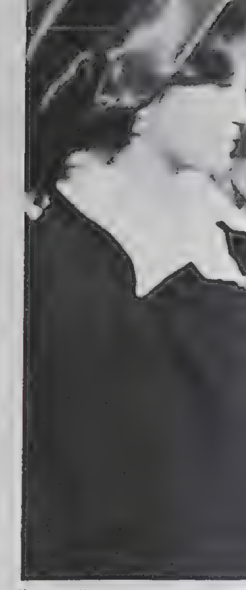
— Училище? Да это для нас как вторая работа. Нет, не только шефство, но и наставничество. Я ведь помню, какой я сама десять лет назад сюда пришла, всего боялась... А теперь каждый новичок обязательно у кого-нибудь под присмотром. Ведь это и нам, кадровым работникам, выгодно,— весело улыбается Надя,— «пэтэушники» в наши же бригады потом приходят! Вот сейчас со мной работают выпускницы Галя Андреева и Тамара Шафаростова: план-то у нас общий, как же мне о них не заботиться? А если серьезно — свои обязанности наставника я считаю самым главным партийным поручением.

...Ровным гулом заполнены высокие цеха комбината. Сотни всевозможных машин, пестрая путаница разноцветных нитей, потоки полотна, груды выкроек. Поначалу отдельно взятый человек в этом подвижном красочном царстве трикотажа кажется обособленным, отторженным от мира рамками своего конвейерного ритма. Успеть, не ошибиться, не отстать! Но каждая встреча, каждый новый разговор все больше убеждают меня, что люди здесь связаны не только этой бесконечной нитью производства, не одним лишь темпом машин.

Вязальщица Александра Гребенникова рассказывала мне, например, что она — да и не только она, любой опытный работник — каким-то неведомым, шестым, что ли, чувством ощущает, когда у молодой вязальщицы на машине случается «срыв» или там «купон не проходит». У самой Гребенниковой пять таких машин, но подбежать, помочь человеку — дело считанных секунд, и снова машина с молниеносной быстротой вяжет свои петли, наращивает ряд за рядом синий купон для чьего-то будущего свитера. Только это уже не просто кусок трикотажа, он согреет теплом дружеской помощи... Я иду дальше, а на стене—свежая «молния»: «Сердечно поздравляем Чаплыгину Елену Сидоровну с досрочным выполнением пятилетнего задания». «Где ее, Чаплыгину, можно увидеть?» — спрашиваю я у пробегающей девчонки, а та на ходу радостно машет рукой: «Ой, да у нее сегодня свадьба, сама туда спешу!» Краем уха слышу в коридоре разговор о каком-то вечере в общежитии, в вестибюле двое парней обмениваются конспектами...

— Честно скажу, если бы не особая, семейная, что ли, обстановка на комбинате, я бы в свое время отсюда ушел! — признался мне помощник мастера Александр Квашенников.— Это было десять лет назад. Пришел я сюда после курсов. Ну, не нравились мне эти машины, я вообще с детства равнодушным к технике был. Эх, как же меня здесь в первые годы ругали, критиковали. А потом... Не знаю, как, но увлекла меня работа. Сначала просто надоело в отстающих ходить. Понемногу стал ощущать, понимаете, просто чувствовать: от моей работы десятки, сотни людей зависят, план комбината! Теперь-то понимаю, что это все услышанное, понятое понемногу накапливалось в моем сознании и дало свои результаты. Да и повзрослел, конечно. Сейчас просто убежден — лучшей профессии, чем моя, не существует! Три года назад вступил в партию, наш комплект в соцсоревновании стал одним из лучших в цехе — это у нас так, комплектами, бригады называются. Знаете, словно новая жизнь началась... Да и сейчас в соревновании в честь 110-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина стараемся быть впереди.

В этом моем рассказе немного цифр. Не потому, что коллективу комбината нечем гордиться — здесь, напротив, высок уровень и рост производительности труда, успешно ведется экономия сырья, да и прочие показатели неплохие. Но не обо всем, что происходит в жизни коллектива, скажешь цифрами. Душа производства ими не измеряется...



Надежда Криволапова с учениками СГПТУ.

Помощник мастера, партгрупорг Александр Квашенников.

Заместитель секретаря парткома комбината С. Н. Медведев поздравляет швею Р. Н. Осипову с принятием кандидатом в члены КПСС.

Заседает художественный совет: лучшая продукция комбината — детям.

Александра Гребенникова — наставница молодой вязальщицы Татьяны Дорошенко.

Алексей РОМАНОВ

ЖАРКИЕ СОСНЫ НАД ХОЛОДНЫМ МОРЕМ

РАССКАЗ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

Болела голова, раскалывалась, словно кто-то незримый загонял в виски тонкую, раскаленную добела проволоку. Тягостно, гнетуще ныло сердце. Нина Георгиевна сбрасывала одеяло, поднималась, в ночной рубашке босиком шла на кухню, холодной водой из-под дребезжащего крана смачивала полотенце и в который уже раз обматывала им пылающую голову. Потом опять и опять глотала таблетки. И все впустую.

Стоило только закрыть глаза, забыться, задремать на минуту, как вновь выплывало это давнее неотвратимое видение: истоптанная солдатскими сапогами обширная поляна, окаймленная истерзанными артиллерией соснами, неподалеку от которой санитары обнаружили труп младшего лейтенанта Пети Голубева, убитого ранним утром на узкой лесной тропинке вражеским снайпером-«кукушкой».

...После того, как войска 3-го Прибалтийского фронта, развивая наступление, в середине октября сорок четвертого года штурмом овладели столицей Советской Латвии городом Ригой, часть, к которой был приписан полевой госпиталь Нины Глаголевой, шла с боями, не давая врагу закрепиться, вдоль побережья Рижского залива. Позднее, где-то возле населенного пункта Ригас Юрмала, эту часть поставили на пополнение и отдых. Время от времени вокруг, в лесных массивах, еще раздавались выстрелы, но артиллерийская канонада с каждым днем удалялась все дальше на юго-запад. Казалось, на истерзанной войной земле наконец-то водворялись мир и покой. И только обожженные огнем и металлом сосны и ели шумели над холодным морем.

Двадцатилетняя медицинская сестра, перед самой войной окончившая медицинский техникум и более трех лет работавшая в прифронтовых госпиталях, Нина полюбила Петю Голубева пылко и безотчетно. Не то что неторопливо, а скорее очень уж робко они присматривались друг к другу. Ей все больше нравилось проводить с ним в незамысловатых разговорах эти странные, спокойные вечера. И его тянуло к ней с каждым днем все сильнее. Объяснились они после затянувшихся за полночь октябрьских торжеств — в ночной тиши на песчаном морском берегу под молчаливыми соснами. Думала, что их любви хватит на годы и десятилетия, а вражеская пуля оборвала ее уже на третий день. Петя погиб, возвращаясь после свидания с нею. Все утро следующего дня его искали солдаты, забегали к ней в госпитальную дежурку, спрашивали, когда накануне расстались она с их лейтенантом, пока не наткнулись на его труп на тропинке, проложенной через лес от полевого госпиталя к небольшому прибрежному поселку, где квартировала его рота.

После похорон Пети Голубева Нина долго не могла прийти в себя. И днем и ночью в ее ушах все еще звучал его шепот, звучали не слышанные до того слова о любви, о счастье, о будущей жизни. Их обрывали глухие удары комьев земли, падавших в могилу на тесовую крышку гроба.

В конце февраля уже в районе Бреслау, где наши войска вели тяжелые бои с окруженной группировкой противника, Нина поняла, что дальше она не в силах скрывать беременность. Подала рапорт, подписавшись: Нина Голубева. И ее демобилизовали. После долгих раздумий, с вещевым мешком за плечами, она направилась с фронта в тот городок на Оке, откуда был родом Петя и где, как она знала, жили его мать Ирина Ивановна и сестры Валя и Шура. Какую-то часть пути из-под Бреслау проделала на попутных машинах, а возле Минска, на крохотной станции, ей удалось сесть на пассажирский поезд.

В Петин город она приехала утром и, когда вышла из вагона, осмотрелась, увидела полуразрушенные строения и сгоревшие церкви — и здесь в сорок первом — сорок втором годах прошла война,— ей вдруг стало не по себе: как-то примут ее родные Пети? Не ошибку ли она допустила, не списавшись с ними?

Она вошла во двор одноэтажного Петиного домика, поднялась на крыльцо, постучала в дощатую дверь. Все вокруг казалось ей до боли знакомым, точно таким, как и описывал Петя, когда в те памятные ночи шла у них речь о будущей жизни: и деревянный домик, и щеколда с колечком на калитке, и вымощенная кирпичом дорожка от калитки к крылечку, и три дубовых порожка...

Дверь ей открыла Ирина Ивановна—в мешковатом халате из темной ткани, в стоптанных матерчатых туфлях. Нину поразили ее глаза — голубизны необычайной, широко раскрытые, добрые и усталые. И руки — руки вековечной труженицы, морщинистые, с сильными пальцами.

— Вам кого, девушка? — очень тихо спросила она.

— Здравствуйте, Ирина Ивановна,— скорее подумала, чем произнесла Нина, чуть-чуть пошевелив губами. Но едва Ирина Ивановна услышала эти слова, как тотчас же мысленно перечитала последнее письмо сына. Она не произнесла ни слова в ответ, а лишь прижала к груди ладони и тихо всхлипнула, словно ей перехватило дыхание.

— Здравствуйте, Ирина Ивановна,— повторила Нина. Ей показалось, что она опять сказала это так тихо, что ее не слышат. Попыталась повысить голос, но это ей не удалось, и она произнесла как могла:

— Здравствуйте... Я Нина... Вашего Пети Нина... Я знаю, он вам писал...

И совершенно неожиданно для себя, сквозь слезы, добавила:

— Кроме вас, у меня никого нет... Примите меня... Только я не одна...

Ирина Ивановна не сразу поняла эту последнюю фразу и догадалась, что Нина ждет ребенка, только через неделю или две после ее приезда, после откровенного разговора на порожках крыльца. И когда подумала, что этот ребенок — ее внук, живая плоть ее Пети, она пережила ни с чем не сравнимую радость, минуты, очень похожие на те, какие переживала в далеком прошлом, при жизни мужа, когда узнавала, что у нее будет ребенок. Ей стало страшно, когда она тут же подумала, что Нина может уехать. Этот страх исчез лишь тогда, когда она поняла, что Нине, собственно, и ехать-то некуда. Ее отец — пограничник — был убит при артналете на заставу в первое же утро войны, а мать и десятилетний братишка, проживавшие в селе Солнечном Витебской области, сожжены карателями в их домике, как и десятки других семей, повинных только в том, что они искренне верили, что оккупация — явление временное, что Красная Армия непременно вернется, а значит, вернется и тот образ жизни, который принесла людям Советская власть.

...Вот так и вошла Нина в семью Голубевых. И стала Ниной Голубевой. С Шурой и Валей, школьницами, подружилась быстро. И когда в самом начале июля появился на белый свет маленький Петя, то в старенький домик словно вошла новая жизнь с ее радостями и горестями, волнениями и заботами.

А Нина? Она и после рождения сына продолжала жить и жила вечной памятью о недолгих минутах счастья, о своей немеркнущей любви.

Сын рос. Ходил в школу. А однажды летом уехал в краевой центр и поступил в Инженерный институт. Теперь в домике на Оке его видели все реже и реже, разве в каникулы, да и то не всегда. Только Нине как-то не верилось, что вот ее сын уже стал старше своего отца и вроде бы все меньше походил на него лицом. И все же всякий раз, когда она слышала его голос, перед ней вновь вырастал он, ее Петя, двадцатидвухлетний лейтенант Петр Голубев. Она и хотела бы погасить воспоминания, но чем чаще думала об этом, тем сильнее убеждалась, что такая пытка воспоминаниями — это, видимо, ее судьба, то, чем наградила ее жизнь за минуты счастья. И она смирилась с этой мыслью, а потом, незаметно для себя, все чаще ощущала, что в своих воспоминаниях мысленно встречается с ее единственным избранником, как с живым человеком, от которого исходит тепло, согревающее душу, свет, рассеивающий туман, безбрежная, безотчетная, чистая радость.

В послевоенную пору она не встретила никого, кто мог бы ей стать дороже того человека, что всегда был живым в ее памяти, не вышла замуж вторично, хотя не раз выслушивала предложения от мужчин, которых уважала. Она была убеждена, что как бы ни был похож на отца ее мальчик, как бы ни напоминал его внешним обликом, манерой держаться и разговаривать, он все-таки рос без отца и его настроение целиком зависело от нее, только от нее одной. Она знала, что где-то в глубине души он скрывает незаживающую рану безотцовства, и, зная это, стремилась доставлять сыну хоть какие-то маленькие радости.

Нет, она не баловала его подарками, не ласкала чрезмерно, как это делала бабушка, но уже то, что никогда не повышала голоса и радовалась его школьным, а потом и вузовским успехам, а в более зрелые годы была в курсе всех его дел, вносило в их отношения искренность, отзывчивость, желание открыть душу.

Вскоре после рождения Пети, посоветовавшись с Ириной Ивановной, Нина пошла работать. Правда, не по специальности. Она не вернулась к медицине и многие годы работала библиотекаршей во Дворце культуры местного Окского машиностроительного завода. Увлек-

лась этой работой, полюбила книгу, в особенности художественную. В героях полюбившихся ей книг она находила, как ей казалось, множество таких черт характера, которые в свое время нашла у Пети. Впрочем, может быть, это были и такие черты характера, которыми в течение послевоенных лет она сама наградила Петю, облагораживая любые воображаемые его поступки и мысленно повторяя сохранившиеся где-то глубоко-глубоко в ее сознании дорогие для нее слова. Она накрепко сроднилась с семьей мужа, с древним городком на голубой Оке, где он родился и вырос, и вроде бы даже стала хозяйкой в доме. Здоровье у нее было отнюдь не богатырское, к тому же все чаще напоминало о себе распоротое осколком мины плечо.

И когда годы подошли к пятидесяти пяти, Нина Георгиевна, по настоянию сына Петра Петровича Голубева (по окончании института он вернулся в родной городок и работал на местном машиностроительном — сначала мастером, затем начальником цеха, а в последнее время и главным инженером) попросилась на пенсию. Отпустили ее не сразу. Но в конце 1978 года все же проводили, как все повторяли вокруг, «на заслуженный отдых». Директор завода, с которым она никогда не встречалась, хотя и проработала в библиотеке без малого тридцать лет, прислал ей очень теплое, даже трогательное письмо, в котором благодарил ее за «ратные подвиги и мирный труд» и за все минувшие годы премировал путевкой на курорт.

Она не сразу поняла, что означала для нее эта путевка и что за отдых ожидал ее там, в совершенно незнакомом ей городке со странным названием Юрмала.

...Нина Георгиевна приехала в Ригу утренним поездом, робко вышла из вагона, не зная, как быть дальше. Оказалось, однако, что ее, как и других отдыхающих, здесь встречали милые приветливые люди. Они поздравили ее с прибытием, помогли поднести чемодан к автобусу и как-то очень уж быстро доставили к самым дверям санатория. Ее поместили в отдельной палате на втором этаже, рассказали о санаторных порядках — все это с шуточками, со смешком, с желанием поскорее освободить гостью от стеснительности и неосведомленности.

Первый курортный день, как бы хорошо он ни был начат, всегда кажется бесконечным. Тем более таким представляется он человеку, который никогда не бывал на курортах. Позавтракав, Нина Георгиевна вышла из санатория и сразу же оказалась в Приморском парке. Высокие, от земли до верхних ветвей покрытые жаркой золотой чешуей мохнатые сосны и ели стояли слева и справа от асфальтовой дороги, по которой она шла. Где-то, за их стройными рядами, поблескивал песчаный пляж, на песок набегали морские волны. Сердце у нее сжалось. Вспомнилось, что еще когда получала санаторную путевку, подумала, не была ли она в войну вместе со своим походным госпиталем в тех местах, куда ей предстояло теперь отправиться? В памяти не сохранилось ни названий тех мест, ни их вида. Перед глазами маячили только тяжелые брезентовые палатки в густом лесу, где она оказывала первую помощь раненым бойцам или ассистировала при операциях. Все тогда было в дыму, в огне, в грохоте не такого уж далекого боя, и море за песчаными дюнами казалось не голубым и не синим, а медно-красным и темно-фиолетовым. Единственное, что не гасло, не тускнело в воспоминаниях, это густо-зеленая поляна, на которой солдаты нашли ее Петю, и высоченные сосны, стволы их под восходящим солнцем словно бы пылали жарким пламенем.

...Нина Георгиевна понимала, что в смерти Пети Голубева она не была виновата, но вот и их сыну уже шел тридцать четвертый год, а она наедине с собой винила в смерти отца только себя. «Все, все было бы иначе, — думала она, — если бы он ушел от меня не в четыре утра, а часов в одиннадцать вечера». Возникавшие всегда внезапно, в дневные часы — у стеллажей с книгами о войне, а по вечерам — в редкие минуты житейских разговоров с сыном, воспоминания о последнем их свидании не давали ей покоя. Может быть, именно поэтому Нина Георгиевна никогда и не думала о том, чтобы как-то устроить свою судьбу. Даже тогда, когда сын на десять лет перерос отца и его удивительное сходство с ним стало стираться, исчезать. Кандидат технических наук, главный инженер завода, отец двух детей — внучат Нины Георгиевны, он, конечно же, незаметно терял те черты лица и характера, которые так роднили его с отцом. Нина Георгиевна все острее переживала и это обстоятельство, просто забывая, что и она далеко уже не та, двадцатилетняя сестра милосердия, полюбившая однажды и на всю жизнь. Как и в первые часы и дни после гибели мужа, она неизменно повторяла про себя один и тот же вопрос: «Зачем я отпустила его лишь утром?» И не находила ответа. Только все сильнее болела голова, раскалывалась, и откуда-то вновь и вновь выплывала истоптанная солдатскими сапогами обширная поляна, окаймленная истерзанными снарядами соснами. Видение это долго, очень долго не проходило. И никакие лекарства не помогали...

Курортные дни не только быстротекущи, но и однообразны. Все по расписанию: и питание, и лечебные процедуры, и неизменное ежевечернее кино. Правда, послеобеденный «мертвый час», не для всех обязательный, позволял Нине Георгиевне оставаться наедине с собой, совершать неторопливые прогулки по Приморскому парку и его окрестностям.

В тенистом, ухоженном курортном городке, заполненном изящно одетыми, веселыми людьми, ей, одинокой пожилой женщине, обычно было и неуютно и тоскливо. Несомненно, на настроении сказывалось еще и тягостное ощущение стенокардии со всеми присущими ей симптомами.

Шла третья неделя ее курортной жизни, но и сегодня ей опять захотелось уйти с тротуара в сторону, присесть хотя бы на минутку. И она облюбовала кафе «Ветерок» — простенькое, всего пять-шесть столиков возле стойки с кофеваркой и разного рода печеньем в вазочках за тусклым стеклом. Выпила чашку кофе со сливками, съела булочку, расплатилась с официанткой, смутившей ее приветливой улыбкой и словом «спасибо».

Но рядом был все тот же Приморский парк с павильонами для игр и аттракционами, идти туда не хотелось, и она повернула в сторону, на улицу Йомаса, узкую, тесную, торговую, заполненную людьми в любое время дня. Прошла универмаг «Майори», открытый со всех сторон уличному шуму и солнцу. В универмаге было душно, от распаренных женщин-покупательниц несло потом, помадой, дешевыми духами, и она поспешила выйти на воздух. Повернула вправо и пошла к морю, по тротуару из бетонных плит, проложенному так, что стоявшие здесь столетние сосны остались нетронутыми.

Пляжи были переполнены загоревшими, обнаженными, казалось, потерявшими всякий стыд мужчинами и женщинами. Море, как всегда, было холодным, но песок вдоль береговой кромки показался ей влажным и теплым, на нем ясно вырисовывался узор от колес грузовичка, развозившего по пляжу минеральную и фруктовую воду.

Метрах в пятидесяти от морской кромки за высокими песчаными дюнами шумел лес. Она поднялась по песчаной круче, прошла лесом километр-другой, устала, устроилась в тени под сосной, закрыла глаза и сразу же открыла их...

Боже мой, да она же шла той самой тропинкой, которой когда-то шел от нее Петя, и пришла на ту же обширную поляну, неподалеку от которой он погиб. На оранжевых стволах окружавших поляну сосен видны, как и тогда, сверкающие под солнцем густые капли смолы. Уж не они ли заставляли сердце биться все больнее и громче, словно оно хотело вырваться из груди, разлететься на мелкие части, вспыхнуть и сгореть?..

...Ее подняли с земли совсем незнакомые люди, сунули в рот какую-то таблетку с кислым металлическим привкусом, влили в рот то ли боржом, то ли воду. Ей стало чуть легче.

— Простите, пожалуйста,— прошептала она.— Мне вдруг показалось...

Но она уже не могла рассказать, какие воспоминания вызвали у нее эти сосны, облитые блестевшей на солнце золотистой смолой. И как-то очень уж спокойно, преодолевая ощущение режущей боли в груди, попросила помочь ей добраться до санатория. На ее просьбу сразу же отозвались стоявшие рядом мужчины и женщины. Оказалось, однако, что она не может идти. Тогда кто-то побежал к телефонной будке, а кто-то в ближайший медицинский пункт...

Минут через тридцать, уже в палате санатория, взволнованные врачи измеряли у нее кровяное давление, попеременно выслушивали сердце, считали пульс. Ей сказали: все в порядке, дорогая, все в порядке, лежите спокойненько и не двигайтесь. Она лежала с острой болью — уже не в груди, а в плече и позвоночнике. Лежала, смежив глаза, и чуть слышно просила только об одном:

— Не беспокойте сына...

...Через день или два после похорон матери Петр Петрович Голубев занялся нелегким для души, да и просто утомительным делом — оставшейся после нее комнатой. В комнате было очень много книг. Ими были заполнены книжные шкафы и этажерки, они стопками возвышались на письменном столе и подоконнике. И даже на стульях лежали книги.

Книги Нина Георгиевна любила, берегла их, постоянно делала какие-то выписки — комната матери всегда казалась сыну продолжением заводской библиотеки.

Но в комнате — у самой двери — стоял еще тяжелый платяной шкаф: правая его сторона была занята одеждой, а слева его полки были забиты пухлыми папками, на которых не было никаких надписей и содержание которых было известно только матери.

Первая же папка, которую Петр Петрович снял с полки шкафа и открыл, заставила его

побледнеть: в ней хранилась аккуратно сложенная, однако отнюдь не глаженная и не стиранная гимнастерка с погонами младшего лейтенанта. И только подворотничок у гимнастерки, хотя и нес на себе следы многих лет хранения, казался совсем свежим, только что подшитым чьими-то умелыми руками. Здесь же в самодельном конверте находилась потемневшая от времени медаль «За отвагу» и удостоверение к ней. В сложенном вчетверо листочке пергаментной бумаги оказалась прядь вьющихся светлых волос.

Столь тщательно хранившиеся матерью реликвии далеких военных лет для Петра Петровича были полной неожиданностью, словно он без разрешения открыл давно и наглухо закрытую дверь или прочитал не предназначенное для огласки, очень личное письмо. Он знал, конечно, что у матери где-то хранились личные вещи отца. Кажется, много лет назад, когда он был еще мальчиком, мать даже показывала ему отцовскую пилотку. Но все это было давно, очень давно, когда рассказ матери о гибели отца вызывал в душе только обиду и страх.

В следующей папке, старательно перевязанной шелковой ленточкой, Петр Петрович обнаружил несколько школьных тетрадей отца и основательно потертую его записную книжку, содержавшую нечто вроде дневниковых записей, начиная с августа 1941 года. На последней страничке записной книжечки он прочитал короткие строчки о «незабываемой встрече» отца с медицинской сестрой Ниной Глаголевой. А в одной из школьных тетрадей нашел тщательно выписанное, но, видимо, так и не отправленное заявление, датированное 20 июня 1941 года и адресованное «Петром Голубевым, гражданином СССР, 1923 года рождения», в краевой центр, в Инженерный институт, с просьбой допустить его «в качестве абитуриента» к участию в предстоящих приемных экзаменах. К заявлению были приложены простенькие фотографии совсем юного, безусого, восемнадцатилетнего отца. Здесь же хранились и девические фотографии матери. Никогда еще он не видел таких фотографий отца и матери — выцветших, пожелтевших, но сохранивших лица без единой морщинки, их лучистые глаза и пышные волосы!

Петр Петрович не знал и не мог знать отца живым. Отец всегда рисовался ему таким, каким он выглядел на большой, скверно выполненной фотографии, висевшей в гостиной рядом с такой же большой фотографией матери. И так как мать в последние годы жизни, казалось, уже ничем не напоминала ту полную, ясноглазую девушку, что была изображена на предельно увеличенной фотографии в гостиной, то Петр Петрович внутренне был убежден, что и отец, вероятно, тоже был другим и ничем не походил на того красивого, белокурого парня, который смотрел в комнату с большой старой фотографии в деревянной рамке.

— Неужели это ты? — спросила вошедшая в комнату жена Петра Петровича, увидев в его руках старые фотографии.

— Я так похож на моего отца? — ответил он, оторвав взгляд от фотографий.

— Но это же вылитый ты, каким был...— смутилась жена.— Каким был, ну, в юности, что ли...

— Если бы ты знала,— задумчиво произнес Петр Петрович,— как мне сейчас хочется, чтобы эта схожесть не исчезала с годами и сохранялась во всем... Во всем... Ты меня понимаешь?..

Я побывал в Юрмале минувшим летом.

На ее песчаных пляжах гуляли, загорали, радовались жизни, набирали силы тысячи мужчин и женщин, для которых быт войны стал далекой, очень далекой былью, воспоминаниями ветеранов, книгами историков-мемуаристов, батальными фильмами.

Но, как и десятилетия назад, здесь подпирали небо ветвистые, богатырские сосны. Шумели, пенились, накатываясь на берег, зеленые волны Рижского залива...

Слов нет, мне уже никогда не встретить здесь моих друзей Петю и Нину Голубевых. Никогда. Но с их сыном, Петром Петровичем Голубевым, я повстречаюсь непременно. Повстречаюсь здесь, под этими жаркими соснами, на песчаном берегу холодного моря.

А. АЛЬ-ХАМИСИ

ВЕНЕЦ ЦАРИЦЫ ТИТИШЕРИ

«Я каждой клеткой тела моего и каждой каплей крови обещаю, что жизнь свою народу посвящаю»,— эти строки из стихотворения «Клятва» — идейное кредо поэта А. аль-Хамиси. Оно, словно луч лазера, пронизывает и освещает творчество этого большого художника, который сегодня является крупнейшим прогрессивным поэтом арабского мира. О стихах аль-Хамиси нет надобности говорить много: они красноречивы и пленительны; сочетая в себе нежную лирику и высокую гражданственность, они отражают светлое, оптимистическое восприятие жизни, глубокую убежденность поэта в правоте и конечной победе народного дела.

Аль-Хамиси — писатель-боец. Его пламенное слово всегда тесно связано с его патриотической деятельностью. Он пишет о битве народа за свободу, против реакции, неоколониализма и агрессии и вместе с другими патриотами непосредственно сражается в горниле этой битвы: и в партизанских рейдах против английских оккупантов и в ополченческих отрядах, защищавших Суэцкий канал; он из когорты смелых борцов, которые, не побоявшись угроз королевской охранки, добились создания Египетского национального комитета мира.

В нашей стране хорошо известно имя Абд ар-Рахмана аль-Хамиси, одного из старейших и верных друзей СССР, сделавшего очень много для пропаганды советской культуры на Арабском Востоке, для укрепления арабско-советской дружбы. Произведения аль-Хамиси печатались у нас много раз и в журналах, и в газетах, и в различных антологиях арабских поэтов, на русском, узбекском, азербайджанском, казахском языках; известны также переводы его новелл и стихов на французском, английском, испанском и вьетнамском языках. И где бы нас ни сводила судьба — будь то в Ливане, Ираке, Ливии или у нас в Москве — и о чем бы мы ни говорили, Абд ар-Рахман с неизменной горячностью восклицает: «Не могу я жить без воздуха Египта, без родного моего народа!»

Г. Ш. ШАРБАТОВ,
доктор филологических наук

●

О мрак!
На неприглядные пространства
Твоих глухих полночных площадей
Вползает нескончаемое время
И жадными холодными губами
Высасывает жар людских сердец.
Оно, руины прошлого покинув,
Рвет для себя грядущего цветы.
О мрак! О волны времени — немые,
Кричащие, бушующие... Тщетно
Грозитесь вы Египетский музей
Стереть с лица земли прибоем злобным.
О мрак!
Пусть чернота твоих валов
Отхлынет от незыблемых порогов
И время, этот гордый великан,
В отчаянье бессильном превратится
В дрожащего, испуганного гнома:
Здесь вечность спит,
Здесь мумии лежат!
Похоже, лишь мгновение назад
Они сомкнули вежды,
И столетья
И тысячи в туман ушедших лет
Исчезли, не оставив и следа
На их чертах, покоем осененных.
Они живут и вечно будут жить —
Неведомые дремлющие тайны
Далеких фараоновых эпох.

Здесь в саркофаге — тело Титишери,
Царицы мудрой древнего народа:
Ни солнца раскаленные лучи,
Ни когти мрака,
Ни клыки столетий
Ее чела святого не коснулись.
Она лежит, исполнена величья,
Спокойное достоинство храня,
Как чудо неземного совершенства,
Неугасимый излучая свет.

●

Светильники бессонными глазами
Глядят во тьму с высоких сводов зала,
Безмолвие ночи — как гулкий мрамор,
И в тишине звучит, не умолкая,
Охранника размеренная поступь.
Он бродит, перемалывая время,
Не ведая, что сам уже затянут
В зубцы неумолимых шестерен.
...Вдруг свет затрепетал, и заплясали
По стенам обезумевшие тени:
Они осатаневшей волчьей стаей
Метались, расходились и сшибались,
Сплетая тьму в косматые клубки.
И ветер застонал, как исполинский
Копьем пронзенный зверь...

●

Застыл охранник,
Как изваянье страха. Из орбит
От ужаса глаза его полезли,
И синий дым туманными пластами
Поплыл над запрокинутым лицом.
Вот женский призрак в царских
одеяньях
Из саркофага медленно встает,
Идет к нему...
— Да что же это, боже! —
Шептал дрожащий сторож.—
Неужели не брежу я?
Ужели наяву
Со мною это чудо происходит?
Ему в ответ под сводами музея
Раздался голос мумии воскресшей:
— Зачем, сынок, дрожишь ты от испуга,
Как птица в ледяных порывах бури?
Спокоен будь и знай, что не для зла
Мой скорбный дух восстал из саркофага.
Воскликнул страж:
— В мозгу моем сместились
Понятия, привычные досель,
И словно краски на холсте безумца,
Смешались мысли...
Как же ты смогла
Пробиться в этот мир, пройти сквозь стены
Тысячелетий, разделивших нас?
Скажи, возможно ль нам узреть былое,
Назад колеса времени крутя?
— Мой сын,— прошелестел нездешний
шепот,—
Не мы ли сами время создаем?
Горячий сок, вчера еще дремавший
Во чреве неразбуженной земли,
Струится в стеблях нынешних растений
И ароматом пьют их цветы.
Ведь то, что есть, что было и что будет,—
Лишь части неохватной взором жизни.
Взмолился сторож:
— Сгинь, вернись скорее
На ложе опустевшее свое.
Иначе головы не уберечь мне:
Ведь я приставлен твой покой хранить.
Царица отвечала:
— В этот мир,
Ладьею воскресения влекома,

Я возвратилась из пучины смерти,
Чтоб отыскать похищенное. Если
Ты лишь хранитель мой, а не тюремщик,
Скажи мне, чья безвестная рука
Смогла меня во сне ограбить дерзко?
Забормотал охранник:
— Нынче ночью
Я перестал что-либо понимать.
Я верить не могу,
Не верить — страшно
Всему, что я здесь видел и слыхал.
Когда б не наяву происходило это,
Я подумал бы, что ты...
Что ты...
О, не томи, скажи мне, кто ты?
— Как жаль, сынок, что ты меня не знаешь.
Я Титишери...
Превратившись в слух,
Охранник позабыл про все на свете:
Минувшее величием манило
И легкой кисеей надежды светлой
Скрывало боль сегодняшнего дня.
Летя на крыльях времени и слыша
Гул прошлого в ушах, он жадно пил
Истории хмельной и жаркий шепот...

●

Ночь покрывала черными крылами
Безмолвное уснувшее пространство.
Но птицей встрепенувшейся заря
Клевала тьму и клювом золоченым
Ее изрешетила. Хлынул свет,
Кругами расходясь по поднебесью.
От грез очнулся сторож:
— Госпожа!
Заря вот-вот рукою золотою
Над миром окна света распахнет.
Вернись скорей на ложе!
Титишери ответила:
— Я не вернусь, пока
Не возвращу украденного. Долго
Плыла я на ладье из моря мертвых,
Чтоб отыскать похищенный венец.
— Какой еще венец?
— Венец свободы...
И Титишери двинулась к дверям.

Охранник непослушною рукой
Прицелился ей вслед из пистолета,
Но обмер вдруг, увидев, что она
Парит, ногами пола не касаясь.
И тихо удаляется — и вот
Уже в рассветной дымке растворилась...

●

Заря прядет серебряные нити,
Опутывая ими шар земной.
Заря берет вселенную в объятья,
Высвечивая суть вещей, доселе
Неведомых, невиданных, сокрытых.
Плывя сквозь волны радужного утра,
Казалась птицей сказочной царица,
Волшебной птицей в солнечных лучах.
Внизу под нею рынок копошился...
Вдруг женщину летящую увидел
Один феллах,
За ним другой, и вот
Во все глаза уже смотрели люди
На медленный чарующий полет.
— Кто это,— раздавались голоса,—
Колдунья или жертва заклинанья?
Из этого ли мира иль оттуда,
Из зыбкой дали песен и легенд?
Да кто ж она?
И молвила тогда,
В толпу спустясь, воскресшая царица:
— Не духом зла я послана была.
Я Титишери, женщина простая,
Здесь ветвь моя цвела и зеленела
Тому тысячелетия назад.
Здесь фараон моею красотою
Пленился и к себе меня приблизил,
И стала я царицей и женой.
В те времена невольником Египет,
Давно уже не веря в избавленье,
Под игом гиксов дни свои влачил.

Мне не забыть той траурной годины:
Когда захватчик топчет землю предков,
Тогда страданья душу превращают
В приют для сотен тысяч угнетенных,
И этот мир, казавшийся невестой,
Смеявшейся в полуденных лучах,
Предстанет как поруганное тело,
Без погребенья брошенное в пыль.
Ветра отчизны тление наполнит,
И черным солнцем труп непогребенный
Взойдет над истязаемой страной.
Когда захватчик топчет землю предков,
Как склеп, в котором мы скорбим о павших,
Тяжел и низок серый небосвод.
Мне не забыть той траурной годины...
Чтоб выстоять, нам нужно было вырвать
Из душ людей покорности шипы.
Тогда я встала рядом с фараоном,
И гулкими ударами набата
Я свой народ на битву подняла.
Две армии сошлись,
И все смешалось,
Как волны штормового океана,
И долго длилась яростная битва
Во имя чести нашей и свободы.
Пал фараон...
Над паводком сраженья
Всплывали трупы тысяч египтян,
И раненых не умолкали стоны.
Сметенные прибоем пораженья,
Остатки наших войск, топча убитых,
Бежали, и позора черный саван
Одел наш мир...
В молчании феллахи
Царицу древних слушали. Она
Их увлекла в свой мир полузабытый.
Царица продолжала:
— Зерна гнева,
Таясь до срока, зрели в глубине
Отчаянья и горя. Я жила
Святою верой в скорую победу:
Я повторяла сыну своему,
Что небеса распахнуты для птицы,
Летящей в свете утренней зари,
Что жизнь ее — в ликующем полете.
Но лишь тогда рождает песню радость,
Когда свободна птица и вольна,
Ей эта радость сердце наполняет
И силы для полета придает...
Мой сын был вспоен молоком отмщенья,
И корни глубоко в его душе
Мечта освобождения пустила.

...И запылала новая война
И унесла единственного сына...
И вновь бросали волны пораженья
Остатки наших войск на берега,
И снова, словно саван, мрак позора
Одел наш мир.
Но снова зерна гнева,
Таясь до срока, зрели в глубине
Отчаянья. И снова я жила
Святою верой в близкую победу.
Я горе материнское в груди
Несла, как меч отточенный. Он ранил
Мне сердце. Боль была напоминаньем
О близости решающего дня.
Я выжила.
Я вырастила внука.
И час настал: от имени народа
Я боевой ему вручила щит,
Щит деда и отца.
Я воспитала
В нем волю к жизни и презренье к смерти...
И вот мой Ахмос в бой повел народ.
Он шел вперед, без жалости разя,
А следом плыли светлые знамена
Страны, освобожденной от оков.
Мы кровью нашей смыли в этой битве
С чела страны позорные следы!..
Толпа качнулась.
В ней раздался гул,
Как в недрах оживавшего вулкана,
И крики раздались:
— Будь славен, Ахмос!
— Да здравствует герой былых времен!
— Да озарит он нынешний Египет
Сияньем древней славы!
Титишери в толпу смотрела, словно
из-за дымки
Тысячелетий, но ее лицо
Светило людям новою надеждой.
Она сказала:
— Если радость птицей
Поет в душе, то миллионы птиц
Парили в синеве небес свободных,
В цветы оделась жаркая пустыня,
И радостно шаги солдат звучали,
С победою вернувшихся домой.
Слова бессильны были бы поведать,
Как билось сердце в те мгновенья счастья,
В тот славный день...

●

Царица замолчала.
Толпа кричала:
— Дальше! Говори!
И Титишери продолжала повесть:
— В дни праздника победы долгожданной
Народ мне даровал венец свободы.
Я завещала этот символ славы,
Могущества и гордости страны
Оставить мне, чтоб он и после смерти
Положен был близ сердца моего.
Но тот венец похищен! Кто-то предал
Былую славу Древнего Египта
И продал торжествующим врагам.
Венец свободы — это дар народа
И потому ему принадлежит
Во все века!
Ладьею воскресенья
Я для того сюда принесена,
Чтоб возвратить исконное народу.

— Смерть негодяям! — раздалось в рядах.
Толпа, качнувшись, грозно загудела,
А над людьми, над площадью все выше
Взлетала невесомая фигура
Царицы Титишери...

●

В тот же день
Полиция недремлющая знала
О происшедшем. В тот же день указ
Был издан об аресте Титишери
И о преданье тайному суду
За речи, подстрекающие к бунту.

Царица опустилась в Асуане,
И тысячи собравшихся рабочих
Услышали из уст ее о том,
Что родину ограбившие воры
Возмездия еще не понесли.
Ее слова над площадью звенели:
— Ветра позора дуют от Синая,
Зловещий дым клубится над страной
И застит взоры черной пеленою.
Яд униженья в души к вам проник,
И стыд сердца вам точит днем и ночью!

Отряды полицейских ворвались
На площадь и, царицу окружая,
Кольцо сжимали.
Грудью на штыки
Пошли тогда рабочие, и схватка
Водоворотом грозным закипела,
И первые убитые упали...

●

В десятках мест царица появлялась,
И речь ее звучала, как набат:
— Когда захватчик топчет землю предков
В темницы превращаются сады,
И солнце увядает на глазах,
И словно желтый, сморщенный лимон,
В сердцах сочится горькой кислотою.
Под саваном скрывается луна.
И воздух давит тяжестью свинцовой,
И каждый вздох, как острие копья,
Пронзает грудь...

●

Ее хотят схватить. Но Титишери,
Все в новых появляясь городах,
На площадях, на людных переулках
Народу говорит лишь об одном,
Слезами сердца души обжигая:
О радости побед, добытых кровью,
О жертвах, принесенных на алтарь
Святой свободы, об изгнанье гиксов.
И повторяет всюду вновь и вновь:
— Венец свободы — это дар мечты,
Побегом зеленеющей надежды
Он вырастет над мраком и позором.
Подарит радость мира и любви.
В нем каждый камень — символ миллионов
Сражавшихся, скорбевших и любивших...
Он память о героях, павших в битве
За честь родной земли, взрастившей их!

Перевел с арабского
С. ГОЛУБЕВ.

НОРВЕЖСКИЕ ВСТРЕЧИ

Владимир НИКОЛАЕВ,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора

ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

Моя поездка по Норвегии совпала со знаменательными днями: страна торжественно отмечала 35-летие освобождения Северной Норвегии Советской Армией. В конце октября 1944 года войска 14-й армии Карельского фронта во взаимодействии с Северным флотом осуществили Петсамо-Киркенесскую операцию и освободили северную норвежскую провинцию Финмарк. Этот суровый край гранитных скал гитлеровцы считали неприступным, а наш солдат, преодолев все трудности и отчаянное сопротивление, освободил Финмарк более чем за полгода до того, как фашисты капитулировали в других районах страны.

Я был в этом краю. Там до сих пор помнят, как тогда укреплялись гитлеровцы, как эсэсовские дивизии рассчитывали удержать свои, казалось бы, неприступные позиции. Я слушал рассказы очевидцев о героизме наших бойцов. Я видел могилы наших героев, павших за освобождение Норвегии. И я читал надписи на ухоженных, покрытых цветами памятниках советским солдатам и офицерам: «Вы пали в борьбе за всех нас», «Воздвигнут благодарными норвежцами в память о советских солдатах, павших в Ругеланне в борьбе за свободу и справедливость в 1941—1945 годах» (на памятнике советским воинам в Ставангере); «Норвегия благодарит вас» (на памятнике, установленном на кладбище в Осло).

Приведенные выше надписи нуждаются в разъяснении. Откуда эти памятники на могилах наших бойцов в Ставангере в провинции Ругеланне? Она расположена далеко от заполярного Финмарка. А дело в том, что в Норвегии активно действовало движение Сопротивления, в ряды которого пришло немало наших солдат и офицеров, бежавших из фашистской неволи. До сих пор норвежцы вспоминают, что они были самыми стойкими и умелыми в норвежских партизанских отрядах. И до сих пор в народе рассказывают, как простые норвежцы всегда стремились облегчить участь наших военнопленных, томившихся в фашистских концлагерях.

Вместе с работниками нашего посольства и советской делегацией, прибывшей на празднование 35-летия освобождения Северной Норвегии Советской Армией, я совершил незабываемую поездку в прошлое и в то же время в настоящее, еще и еще раз подтвердившее прочность дружеских уз, связавших обе наши страны в годы совместной борьбы с фашизмом. От Осло мы ехали по обычному шоссе чуть больше двух часов до города Шиена, а оттуда добирались около часа по лесной и горной дороге до местечка Валебё. Здесь не было войны, но был концлагерь. Его обитатели — советские военнопленные валили лес на склонах гор. Сегодня от концлагеря ничего не осталось, ни следа. Но на небольшом местном кладбище между двух елочек стоит памятник двум нашим солдатам, погибшим в фашистской неволе. Местные жители не только похоронили их на своем кладбище, но сделали эту дорогую им могилу местом традиционного паломничества, символом дружбы обоих наших народов. Ежегодно 1 мая километра за два от кладбища собирается местное население — и стар и млад. Со знаменами и цветами народ идет к могиле советских воинов.

Еще подъезжая к кладбищу, мы увидели у входа норвежский и советский флаги на двух высоких флагштоках. У могилы, а затем на месте бывшего концлагеря местные старожилы рассказали нам о том, как они помогали, чем могли, нашим военнопленным, как они свято хранят память о жертвах борьбы с фашизмом.

В дни моего пребывания в Норвегии там показывали по телевидению многосерийный фильм о Великой Отечественной войне. Он вызвал огромный интерес. У кого бы из норвежцев я ни спросил, каждый обязательно смотрел его. Такой интерес объясняется не только общей борьбой против немецкого фашизма. История распорядилась так, что за тысячу лет отношения между обеими нашими странами ни разу не омрачались какими-либо военными конфликтами. Еще в XI—XIII веках наши поморы вели торговлю с населением Северной Норвегии. Дочь новгородского князя Ярослава Мудрого была норвежской королевой.

Давние взаимные симпатии связывают нас в области культуры. Как и в Норвегии, у нас, пожалуй, трудно найти человека, который не знал бы Грига и Ибсена, Нансена, Амундсена, Тура Хейердала...

Норвежцы знают и любят великих деятелей нашей культуры, которые живут в сердце каждого русского человека.

Хожу я по улицам Осло, разглядываю театральные афиши: Горький — «Дети солнца», Чехов — «Вишневый сад»... При мне проходила традиционная неделя советского кино, и я видел, с каким интересом и пониманием воспринимал норвежский зритель и современные наши фильмы и экранизацию русской классики. Уже сама торжественная церемония открытия недели показала, каким большим событием явилась она в Норвегии. Церемонию открыл министр культуры и просвещения Эйнар Ферде, тепло сказавший о развитии советско-норвежских культурных связей. За ним выступили посол СССР в Норвегии Ю. А. Кириченко и народный артист СССР И. Смоктуновский, не первый раз приехавший в Норвегию и пользующийся там большой популярностью.

Я возьму на себя смелость сказать, что, по-моему, вкусы и симпатии зрителей и слушателей обеих наших стран во многом совпадают. Мне довелось проехать немало западных столиц, но, пожалуй, ни в одной из них я не встречал такой же насыщенности в театральной и музыкальной жизни, как в Осло. Причем насыщенности того же качества, что и в Москве. Судите сами. Что сегодня смотрят и слушают в Осло? О Горьком и Чехове я уже упоминал. Далее — Бернард Шоу, Ибсен... Бетховен, Моцарт, Бах, Равель, Вивальди, Брамс, Берлиоз, Барток... Все это из афиш только двух недель, тех самых, когда я жил в Осло. И еще немаловажно, что в Осло не увидишь развлекательных зрелищ низкопошиба, каких немало в иных западных столицах.

Изложенные мною выше наблюдения и соображения — это, можно сказать, взгляд на страну с одной стороны. Есть и другая сторона.

Сегодня в Норвегии нельзя не обратить внимания на то, что определенные и весьма влиятельные круги пытаются запугать норвежцев так называемой «советской угрозой». Это своего рода «норвежский вклад» в общую кампанию запугивания общественности, которую ведут Пентагон и НАТО. Как известно, Норвегия — член этого агрессивного блока.

В этой связи можно припомнить нелегальную листовку с речью короля Норвегии Хокона VII по лондонскому радио 26 октября 1944 года. В ней, в частности, говорилось:

«Русская угроза» — явление не новое. Мы знаем миф о «русских лаптях» в царское время; новое, что пришло после русской революции,— «большевистская угроза». Сейчас нет никаких доказательств, что Россия имела по отношению к Норвегии какие-либо агрессивные планы... Долг каждого норвежца — оказывать советским союзникам самую большую поддержку».

Разумные доводы, и сегодня не потерявшие своего значения! Но, повторяю, в настоящее время в стране есть немалые силы, которые действуют вопреки разуму и логике исторического развития. Стратеги НАТО отводят Норвегии немаловажную роль в своих планах. Так, газета норвежских коммунистов «Фрихетен» писала, что «НАТО стремится превратить Норвегию в сухопутный авианосец». Уже названы аэропорты страны, которые надлежит переоборудовать для приема тяжелых американских транспортных самолетов. Это еще одна атака на норвежскую «базовую политику» (суть этой политики в том, что страна отказывается от размещения иностранных войск и ядерного оружия на своей территории в мирное время). Под провокационный шум о «советской угрозе» в Норвегии идет процесс наращивания военных расходов. На норвежской земле этой осенью прошли очередные натовские маневры.

И нет ничего удивительного в том, что в такой обстановке в стране насаждается шпиономания. В крайне неуклюжих, бездоказательных выступлениях буржуазные органы печати пытаются опорочить наших специалистов, работающих в Норвегии, то есть пытаются сорвать сотрудничество между нашими странами и создать атмосферу «холодной войны».

Разумеется, есть в стране и иные мнения, кроме натовских. Имея в виду предложения, которые содержались в речи Л. И. Брежнева в Берлине, норвежская газета «Дагбладет» писала, что «было бы безответственно отбросить это важное предложение», и предупреждала против поспешных решений о размещении новых американских ракет в Западной Европе. Газета подчеркивала, что Норвегии следует выступить за переговоры, а не за продолжение гонки вооружений.

Итак, налицо две тенденции в подходе к современной ситуации в мире. Какая из них в Норвегии одолеет другую в противоборстве? От

Осло * Столичная набережная * Развалины древнего монастыря в Хамаре * Старые сельские дома * Нефтяная платформа.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Мальчишки * Яхтсменам зима не помеха * Памятник советским воинам в Осло и возложение венков к нему.

этого во многом зависит дальнейшее развитие советско-норвежских отношений.

НЕФТЬ

Двенадцать лет назад я назвал один из своих норвежских очерков так: «За полоской «тихой воды». Дело в том, что вдоль всего побережья страны цепочкой тянутся бесчисленные острова, образуя скалистый барьер на пути морских волн. Между этим естественным барьером и сушей лежит узкая полоска «тихой воды». К этой «тихой воде» добавляется безмятежная гладь бесчисленных фиордов. Подсчитано, что вся длина этой чрезвычайно извилистой линии, включая берега прибрежных островов, составляет примерно 20 тысяч километров, то есть половину окружности земного шара.

Но вот сегодня уже не назовешь очерк о Норвегии так, как несколько лет назад. Раньше безмятежный покой прибрежных вод нарушали только рыбаки, сегодня здесь увидишь одну из самых удивительных в мире строительных площадок. Да, да, строительная площадка прямо на воде. Чтобы попасть на нее, я проехал поездом из Осло на западное побережье страны, в Ставангер, а там быстрый катер за несколько минут домчал меня до цели, и взору моему предстала картина уникальнейшая: в фиорде на воде стояло прямо-таки необозримое сооружение из серого бетона. Вот основные его параметры: высота — 271 м, вес — 816 тысяч тонн.

Сразу бросается в глаза высота этого исполина. Она становится особенно ощутимой, когда по строительным лесам взбираешься на самый верх. И уже там, наверху, познакомившись во время долгого подъема со всей необычайной конструкцией, суммируешь свои впечатления и понимаешь, что вернее всего было бы сравнить ее с четырьмя Эйфелевыми башнями, одетыми в бетон, соединенными друг с другом и поставленными на воду (сооружение имеет четыре башни-опоры). Наверху на эти башни положена платформа размером с футбольное поле (114 метров на 55 метров). Потому вся эта махина и называется платформой. Предназначена она для добычи нефти в море у берегов Норвегии. Я побывал на платформе «Статфиорд-В», а платформа «Статфиорд-А» уже в море. Стоит она в 180 километрах от берега и выглядит в два раза ниже, чем в фиорде: в море чуть больше половины сооружения находится под водой, покоясь на морском дне. Но все равно и среди волн оно производит впечатление: более ста метров бетона и стали гордо возвышаются над морской стихией!

Нефть... Это слово сегодня в Норвегии у всех на устах. В строй государств, добывающих нефть, Норвегия вступила довольно неожиданно. Менее чем два десятка лет назад мало кто мог предположить, что страна будет добывать и экспортировать нефть. А сегодня Норвегия уже производит нефти в 3—4 раза больше, чем ей самой необходимо. В ближайшие годы она за счет уже разведанной нефти своего континентального шельфа будет обеспечивать 10 процентов потребности Западной Европы. При этом надо учесть, что исследовано только пять процентов норвежского континентального шельфа.

Обо всем этом и о многом другом мне рассказывали руководители и специалисты нефтяного дела в Осло и Ставангере, который называют теперь «нефтяной столицей» Норвегии. Из этих бесед и встреч главное мое впечатление (личное, возможно, очень субъективное!) было для меня неожиданным: хозяева вдруг свалившегося на их голову богатства склонны преуменьшать, а не преувеличивать его, и они вовсе не торопятся немедленно обогащаться во что бы то ни стало. В этом своем мнении я еще раз утвердился, почитав кое-что по этой проблеме. В брошюре «Опыт добычи нефти в Норвегии», изданной в 1979 году, специально подчеркивается, что в стране существует «широкое политическое согласие по поводу того, что развитие нефтяной промышленности должно идти умеренными темпами». Такой разумный подход, по-моему, единственно правильный, он деловой и рациональный. Нефть в качестве нового фактора вошла в жизнь высокоиндустриальной страны, но тем не менее ее всевозрастающая добыча порождает много проблем — политических, финансовых, технических, экологических, моральных и других. Решить все их с хода нельзя, требуется время.

Известно, что нефтяные разработки в море во много раз дороже, чем на суше. Значит, нужны большие капитальные затраты, которые окупятся не сразу, а через несколько лет. Но при уже разведанных запасах континентального шельфа игра стоит свеч. Вот лишь один пример.

Сейчас ведутся работы на трех морских участках. Самый перспективный из них — Статфиорд. Именно там стоит уже платформа «А», туда же отбуксируют затем платформы «В» и «С». Подсчитано, что добыча разведанной там нефти принесет к 2015 году 580 миллиардов норвежских крон (5 крон примерно равны американскому доллару). Чистый доход при этом будет равен 450 миллиардам крон, то есть 130 миллиардов уйдет на капитальные затраты и расходы по добыче нефти (повторяю, этот расчет ведется только по Статфиорду, а есть еще и два других месторождения). При таких астрономических затратах, естественно, возникает необходимость иностранных вложений в нефтяной бизнес. А при таких не менее внушительных доходах недостатка в желающих войти в этот бизнес нет. К норвежскому континентальному шельфу устремили свои взоры крупнейшие нефтяные компании. Сегодня в добыче нефти здесь участвуют капиталы, техника и специалисты США, Англии, Франции, Бельгии, Голландии, ФРГ, Италии, Канады и Швеции. В такой ситуации, естественно, Норвегия должна заботиться о защите своих национальных интересов. Именно с этой целью в 1972 году была создана норвежская государственная компания «Статойл», а в 1978 году образовано министерство нефтяной промышленности и энергетики, которое подотчетно норвежскому парламенту — стортингу.

Вслед за финансовыми проблемами (тесно переплетенными с политическими) встает такой сложный вопрос, как концентрация современнейшей техники и кадров высокой квалификации. Сегодня в нефтяной промышленности занято около 31 тысячи человек, из них 74 процента составляют норвежцы. Этот немалый процент объясняется тем, что нефть пришла из моря в страну индустриальную.

Да, конечно, качать нефть из океанских и морских глубин — дело не новое, но можно смело сказать, что опыт Норвегии пока что уникальный. В таких северных широтах, в таком климате нефть из-под воды еще никто не брал. Не случайно описанная нами выше платформа «Статфиорд-В» — самое крупное в мире сооружение такого рода. Достаточно сказать, что она рассчитана на работу при волне высотой до 31 метра! Кстати, ее дневная добыча равна 20 тысячам тонн нефти.

Показательно также, что пока нефть разрабатывается только южнее 62-й параллели, поскольку климатические условия севернее этой параллели гораздо сложнее. Шли и идут большие дебаты по поводу нефтяных разработок в северных широтах. Но дело уже решенное — изыскатели, а за ними и добытчики перешагнут 62-ю параллель.

О многих житейских проблемах, вызванных рождением нефтяной промышленности, я долго беседовал с Арне Реттедалом, мэром Ставангера. Он рассказал мне, как город, издавна считавшийся центром рыбаков и моряков, в течение нескольких лет превратился в «нефтяную столицу» страны. До сих пор, как сказал мне мэр, встававшие в связи с этим перед городом проблемы успешно решались. Прежде всего процесс превращения Ставангера в «нефтяную столицу» был постепенным, при этом городские власти всегда пытались (и пытаются) активно вторгаться в этот процесс. Например, сразу было строго определено, что все прибывающие в город специалисты и рабочие, связанные с нефтяным бизнесом, будут расселяться в разных кварталах города, а не в каком-либо одном месте. Это простое и разумное решение позволило Ставангеру безболезненно принять и ассимилировать вновь прибывших. Они как бы растворились в массе коренного населения, не войдя в него чужеродным элементом, что могло породить немало проблем. Мэр рассказал мне и о тесном сотрудничестве городских властей с нефтяными компаниями, в том числе и иностранными. Это сотрудничество распространяется на широкий круг вопросов — от производственных и жилищных до организации досуга.

Много внимания мэр уделил проблеме охраны окружающей среды. Богатые рыбой воды Норвегии — давнее и большое достояние страны. Не грозит ли рыбе и морю в целом добыча нефти? В самом начале норвежской нефтяной эпопеи произошла крупная катастрофа на платформе «Браво». Случилась эта беда по вине американской компании, не соблюдавшей мер безопасности. Тогда в течение восьми суток из скважины бил 60-метровый фонтан, который выбросил в море 32 тысячи тонн нефти. Да и без таких крупных катастроф добыча нефти в море сопряжена с риском засорить окружающую среду. Чтобы избежать этого, необходимы большие расходы и неусыпный контроль со стороны специальных служб. Норвежских рыбаков особенно беспокоят планы продвижения морских нефтяных промыслов на север, за 62-ю параллель, в районы, богатые рыбой.

Здесь самое время сказать несколько слов о том, что норвежцы вообще делают по сохранению окружающей среды. И до нефтяного бума эта деятельность получила в стране широкий размах, так что опыт уже накоплен немалый. На эту тему я беседовал с несколькими руководящими сотрудниками в министерстве по охране окружающей среды и в других учреждениях.

Во время поездок по стране я убедился в том, что об охране окружающей среды (а Норвегия, по-моему, одна из красивейших в мире стран) здесь заботятся всерьез, по-государственному. При очень развитой многоотраслевой индустрии норвежцы ухитряются беречь свою природу. Залог успеха в этом сложном деле на первый взгляд очень прост: самое тесное сотрудничество тех, кто поставлен законом на охрану природы, с теми, кто по роду своего бизнеса может угрожать сохранности окружающей среды. Именно благодаря этому взаимодействию практически не бывает штрафов за нанесение ущерба природе. Потому что, как правило, до такого ущерба дело не доходит. Контролирующие эту сферу органы заблаговременно ставят в известность о грозящей опасности то или иное производство и совместно с ним ее устраняют. Для такого ведения дел нужен, разумеется, строгий повседневный и повсеместный контроль. И он в Норвегии есть. В беседах с теми, кто заботится об окружающей среде, я узнал о первых контактах норвежских и наших специалистов, работающих в этой области. Убежден, что развитие этих контактов может принести большую взаимную пользу.

ПРОБЛЕМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

О советско-норвежских контактах в самых разных областях я много беседовал во время пребывания в Осло и в ходе поездки по стране. Как мне говорили многие мои собеседники, деловые люди Норвегии заинтересованы в развитии торговли с нашей страной. На необозримом советском рынке каждый из них всегда может найти то, что нужно именно его отрасли бизнеса. С другой стороны, и норвежская продукция — как правило, высокого качества — всегда может представить интерес для нашей страны. Чего стоит бесценный норвежский

Буфет на улице * Городская скульптура * Королевские гвардейцы * Столичный порт * «Купите креветки!» * Семья.

опыт использования энергии горных рек! Норвежцы имеют богатый опыт в рыболовстве со всеми связанными с ним отраслями промышленности. Норвежцы — искусные судостроители, очень сильны они в создании кораблей узко специального назначения, которые особенно ценятся на мировом рынке. В последние годы местные специалисты успешно развивают электронную промышленность, большой интерес представляют автоматизированные системы управления судами. Да, нам, Норвегии и Советскому Союзу, есть чем торговать, наше экономическое сотрудничество может успешно развиваться на взаимовыгодных основах.

Обо всем этом мне подробно и убедительно говорил Юрий Савельевич Матвеев, заместитель торгового представителя СССР в Норвегии. Его главный тезис: советско-норвежская торговля может и должна развиваться по восходящей линии. По его совету я посетил два смешанных советско-норвежских акционерных общества, «Конела» и «Конейсто», и убедился воочию в том, что торговые отношения между обеими странами действительно могут иметь базу такую прочную и надежную, с которой возможен шаг на более высокий уровень в нашем экономическом сотрудничестве.

С деятельностью акционерного общества «Конела» меня познакомил его генеральный директор Борис Александрович Андреев. Еще до личной встречи с ним я был приятно удивлен внушительным зданием общества на окраине Осло. А когда я вместе с Андреевым походил по этому служебному зданию (с его кабинетами, конференц-залами, мастерскими, просмотровым залом, складами и т. п.), я и без всякой статистики понял, что дела здесь идут на полный ход. Вот уже более десяти лет «Конела» продает в Норвегии советские автомобили: «Лады», «Волги» и «Москвичи». Этим делом по всей стране занимаются 54 торговых агента, в Норвегии имеется уже 70 технических станций по обслуживанию советских машин. Понятно, что при таких масштабах счет проданных советских машин идет не на сотни, а на тысячи. Борис Александрович с гордостью водит меня по огромному просмотровому залу, в котором половина обведенных кругами мест под машины уже пустует. «И те, что еще стоят здесь,— говорит он,— уже проданы». Торговля идет бойко!

С не меньшей гордостью рассказывает мне Андреев о тех трофеях, какие за десять лет завоевали наши автомашины на норвежских и других зарубежных дорогах. Кстати, когда я вошел в здание «Конелы», тут же увидел большой стенд со всевозможными кубками и вазами. Оказалось, это спортивные призы, полученные нашими машинами. Вот только несколько вех, отмеченных наградами: первый приз «Москвичу» за ралли водителей в Швеции; такой же приз «Москвичу» в ФРГ; первое место на ралли в Норвегии в 1975 году взяла наша «Лада»; в ралли 1976 года — второе место нашей «Лады» в Норвегии и первое — в Швеции; 1977 и 1978 годы — успех нашей «Лады» в тяжелейшем по условиям ралли в Нигерии...

Андреев показывает мне в демонстрационном зале не совсем обычный экспонат — «Москвич» 1954 года, проехавший по дорогам Норвегии за много лет несколько сотен тысяч километров и оставшийся в хорошем состоянии, а рядом с ним красуется «Москвич» последней марки. Сейчас в Норвегии «Лада» пользуется бо́льшим спросом, чем «Москвич», но и у последней марки есть свои приверженцы.

Вот что говорят Грета и Эйнар Мартхилм:

«Впервые у нас появился «Москвич» в 1953 году, когда отец Греты купил «Москвич-401». Через несколько лет он отдал его нам. После этого мы имели пять «Москвичей», и сейчас у нас последняя модель — 2140. Почему мы не покупаем машину другой марки? Потому что нам нравится наша. Это прекрасная машина, отличной конструкции и очень подходящая для условий нашей страны. По многим соображениям. Мы, например, часто ездим в горы, а она достаточно мощная и сильная, и мы можем основательно загрузить ее. Когда мы выбирали машину в последний раз, мы знали, что «Лада» теперь у нас очень популярна, но мы, взвесив все «за» и «против», снова остановились на «Москвиче».

Итак, норвежская семья ездит на «Москвиче» уже четверть века, и этот пример говорит о многом!

А вот другое свидетельство, менее эмоциональное, но, наверное, более профессиональное. Тормод Дахл, водитель такси, говорит о «Ладе-1500»: «Я проехал 30 тысяч километров на этой прекрасной машине. Для норвежских условий она очень подходит, и ее эксплуатация не дорога. К тому же любая техническая станция в Норвегии может ее обслужить». Коллега Тормода, тоже таксист, Эрик Мюнх, свидетельствует: «Я проехал на моей «Ладе-1500» 104 тысячи километров. С ней легко управляться самому, поскольку я получил ее со всеми необходимыми инструментами. Других таких машин я не знаю».

Такая же встреча, как и с Андреевым, у меня состоялась с генеральным директором советско-норвежского акционерного общества «Конейсто» Иваном Ивановичем Певневым. Штаб-квартира общества находится в городе Драммен, ее служебные помещения не менее внушительны, чем у «Конелы». Общество «Конейсто» продает в Норвегии советские станки. На них немалый спрос, и есть большие перспективы развития торговли. Вместе с Певневым я прошел по владениям «Конейсто» и увидел, какие разные станки покупают у нас норвежцы, и узнал об их заинтересованности в нашей продукции.

По мнению знающих людей, наше экономическое сотрудничество может и должно быть на более высоком уровне.

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
М. В. ИСАКОВСКОГО

В. ЧАЛМАЕВ

...В 1965 году, когда тень прожитой жизни за плечами Михаила Исаковского становилась достаточно длинной, а «путешествия в воспоминания», мемуары поэта «На Ельнинской земле», казалось, целиком поглощали его внимание, составители очередного альманаха «День поэзии» получили от автора бессмертной «Катюши» насмешливо-ироническое письмо. К счастью, оно не затерялось на редакторских столах. И, как последующие статьи поэта «Доколе?» — о чудовищном обвале серости в поэзии, «Вернуть песне музыку и поэтическое слово!» и «Во имя чего?» — о пресловутом проекте новой орфографии русского языка («заец» должен был вытеснить привычное «заяц»!), письмо это показало: в лице Исаковского для истинной народной поэзии жил «боец еще живой» (Твардовский). И не просто живой, а страстный, бескомпромиссный к измельчанию поэтического слова.

Исаковский написал составителям «Дня поэзии»: «...Вы хотите, чтобы я в краткой, «анкетной» форме сказал несколько слов о народности поэзии, о ее популярности (в хорошем смысле слова), так как, мол, это очень интересует нашу поэтическую молодежь.

Вопреки Вашему утверждению, я думаю, что по крайней мере очень большую группу молодых поэтов ни в коей мере не интересует народность. И разговаривать с этой группой о народности просто бесполезно...»

За этими словами — целая жизнь, высокая гражданская позиция поэта! За ними — гром и нежность песен «смоленского соловья России», выразившего самые глубокие нравственные свершения народа в его историческом пути. Народность была душой поэзии Исаковского. Поистине миллионы советских людей осознавали себя во времени, в суровых событиях «через Исаковского», повторяя его крылатые и емкие нравственно-философские формулы:

А коль придется в землю лечь,
Так это ж только раз.
(«В прифронтовом лесу»).

Пускай утопал я в болотах,
Пускай замерзал я на льду,
Но если ты скажешь мне
снова,
Я снова все это пройду.
(«Летят перелетные птицы»).

А тревожило Исаковского в 1965 году многое... И прежде всего песня, этот извечный праздник души, чудесные «цветущие островки в океане» жизни! Увы, уже в 60-е годы нравственному здоровью русской песни стал угрожать вирус пошлости (к тому же развязно ищущей взаимности), бессодержательность, пустота «подростковой» интимности. Физиологические портреты вместо психологических, портреты, похожие в лучшем случае на «валетов» и «дам» из засаленной колоды заигранных карт («Ах, эта девушка— полумесяцем бровь, на щечке родинка — в глазах любовь»)...

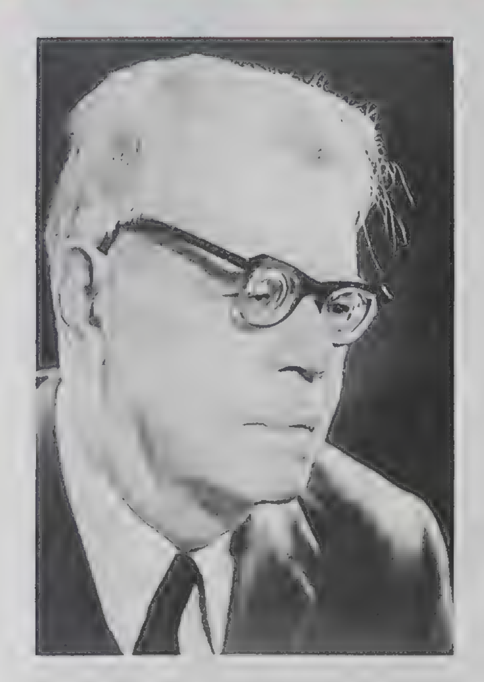
Откровенная «альковная» пошлость («Лунный диск на небосклоне, наши тени на стене, и тепло твоих ладоней согревает сердце мне»). Распыленность и мелкота чувств («Звучат слова в каком-то сне... Они нужны тебе и мне» и т. п.)... Наконец, резко возросшая роль эстрадной «приправы» к песне в виде жестов, трактирных телодвижений, особого «пряного» освещения интерьера зала. Все это делало само существование лирической, поющейся, не знавшей манипуляций народной песни весьма тревожным. «Шлягер» — острое кушанье, «бьющее» (от немецкого schlagen — «бить») по нервам стремительно балдеющей, черпающей друг в друге «вдохновение» ажиотажа толпы — нельзя петь для себя, для души: он весь построен на антиэстетичных диссонансах жестокости и одичания. Весь сделан для шумного зрелища. Ну вспомним хотя бы сакраментальные вопли: «Остановите музыку, остановите музыку. С другим танцует девушка моя...», или: «То ли еще будет, то ли еще будет, то ли еще будет ой, ёй, ёй...».

Может ли такая «песня» на грани истерики и цинизма «землю беречь родную»? Собирать, а не распылять любовь к Родине, воспитывать мужество и величие души? «...Если песен по количеству выпускается очень много, а петь все-таки почти нечего, то это произошло оттого, что те композиторы, которые ориентируются на плохие образцы музыки Запада, лишают нашу песню того главного, без чего она не может существовать, а именно: *лишают ее музыки, отнимают у нее мелодичность, напевность, живую душу... Песне нужно вернуть музыку,* музыку подлинную, настоящую, которой ее лишили и каждодневно продолжают лишать всякие выскочки, лженоваторы, халтурщики, музыкальные дельцы»,— писал М. Исаковский в те же годы в статье «Вернуть песне музыку и поэтическое слово!».

К счастью для слушателей, для самого поэта, его песни, не подверженные законам «эстетики» бойких текстовиков, стоящие вне безрадостной суеты деляг, продолжали свой путь в музыкальном сознании народа. У них были могучие крылья!

Эти крылья и окрепли на ельнинской земле, в народной среде, там, где слово неотделимо от трудового и исторического сознания, где извечно возникала песня поющаяся, создающая тепло связанности... Душу рассказать песней стремились и отец будущего поэта Василий Назарович, печник и столяр из смоленской деревни Глотовка, и его мать Дарья Григорьевна — будущий поэт был у них двенадцатым ребенком... И за праздничным застольем, когда сходилась в бревенчатый дом родня, на бабьих посиделках в послеоктябрьской деревне, где «загудели, заиграли провода», юный поэт не раз

...Ю БЕРЕЖЕТ РОДНУЮ



наблюдал, как бережно «вылепливалась» из звучащей материи (сло́ва и мелодии) песня-судьба с ее наглядными, драматичными ситуациями.

Когда сейчас Виктор Астафьев, тоже художник по-своему песенного таланта, рисует пение своей родни в избе, передает весь дух событий, зримость характера, живущих в песне, он пишет как будто и об эстетической колыбели таланта Исаковского. Эта прекрасная сцена из «Последнего поклона» — словно главка детства создателя «Катюши», «И кто его знает», «На горе — белым-бела», «Ой, туманы мои, растуманы»... Пение в былой деревне рождало единую душу, единое сердцебиение, добавляло душевной красоты и доброты каждому.

«Гудел басом вдовий, бездетный Ксенофонт. Остро вонзался в песню голос Августы. На наивысшем дребезге и слезе шел голос тетки Апрони... Ладно вела песню жена Кольки-младшего Нюра. Она вовремя направляла хор в русло и прихватывала тех, кто норовил откачнуться и **вывалиться из песни, как из лодки.** Ухом приложившись к гармошке, чтобы хоть самому слышать звук, с **подтрясом, как артист,** пел Мишка Коршунов» (выделено мною.— В. Ч.).

Исаковский не раз наблюдал, как подобное же пение формировало коллективное мнение о добром и злом, как песня становилась регулятором нравственности, создавала в людях историческую память, врачевала раны.

Ведь само чувство Родины — это не статичное, а изменчивое, «текущее» богатство. Оно то вовсе как будто «отсутствует», когда человека гонит через дни стихия поспешаний, инерция бытия, то резко обостряется, захватывает человека целиком, рождая слезы умиления. И не в том ли секрет неувядаемого воздействия характера «девушки простой», «Катюши» Михаила Исаковского, что в ней поэт запечатлел момент величайшей душевной сосредоточенности, расцвета патриотического чувства? От Ярославны, стремившейся полететь зегзицей по Дунаю, омочить шелковый рукав в Каяле-реке и обтереть князю Игорю кровавые его раны («Слово о полку Игореве»), до Катюши с ее доверчиво-ласковой и по-своему настойчивой просьбой-обещанием:

> Пусть он землю бережет
> родную,
> а любовь Катюша сбережет

прослеживается для современников эта в чем-то единая, во многом, естественно, обогащенная и новая черта патриотического сознания русской женщины.

Уже в юности, в сборнике «Провода в соломе» (1927), высоко оцененном А. М. Горьким, стала складываться характерная поэтическая интонация Исаковского... Музыка была разлита в его строчках, как свет, везде блуждал лучик мимолетной улыбки, сердечного вздоха. Интонации полувоспоминания, полусожаления, тревоги о недолговечности земной красоты, о том, что «позарастали стежки-дорожки», отзвенели гармони «золотые планки», резко выделили Михаила Исаковского среди множества так называемых «крестьянских» поэтов. Он сразу стал писать не о том только, что видит око,— обычное тяжеловесное описательство узкодеревенских поэтов! — а о том, что знает сердце... А оно знает всю судьбу человека! И вот ранние стихи об ушедшем лете, о недавнем половодье цветения, хоре птичьих голосов вдруг, по какому-то мановению волшебной палочки, зазвучали по-песенному:

> Где ты, лето знойное,
> Радость беспокойная,
> Голова курчавая,
> Рощи да сады?..
> Белая метелица
> За окошком стелется,
> Белая метелица
> Замела следы.

В таком ли возрасте тревожиться о голове курчавой? И тревожиться с песенной страстью? Как будто лето не вернется в свой срок, а останется лишь в памяти последним подарком судьбы?

Но такая печаль — «печаль моя светла» (Пушкин) — свидетельство большого объема мысли и чувства, насыщенности слова мелодиями, уводящими чувство за предел видимого. Из этих же интонаций — любви и светлой печали — Исаковский создаст впоследствии и чудесное стихотворение «Край мой смоленский» и песни «Зелена была моя дубрава», «Услышь меня, хорошая».

Контраст в поэзии — элемент многообразия мира. Сближение с музыкой необычайно расширило горизонт поэтического видения Исаковского. Слово поэта не только давало «содержание» мелодии, но и готовило воображение для восприятия ее. В песнях Исаковского миллионы людей находили и возвышенную и даже грозную печаль, эту «горючую нашу слезу», как в песне военных лет о партизанах «Ой, туманы мои, растуманы», и элегически-светлую печаль о юности, которая, «знать, отшумела весенней водою, знать, догорела вечерней зарею». В его песне герой просит в час разлуки, не зная будущего своего адреса: «Все равно,— сказал он тихо,— напиши... куда-нибудь»... Ведь даже безвестно где скитающееся письмо, знак, подаваемый через все преграды одним сердцем другому,— и оно прерывает, на миг «отменяет» разлуку! А в эпической тишине осеннего леса, где даже лист «неслышен, невесом», зреет и слышимая и весомая, грозная решимость: «да будет сталь крепка!» («В прифронтовом лесу»). А между полюсами грусти и радости столько чудесных полутонов, настроений различного плана, множество серебристых перезвонов, созвучий неожиданного свойства! И музыка, музыка, музыка! Слово здесь поет, а музыка говорит...

При всех успехах, всенародном признании далеко не цветистым ковром стелилась перед Исаковским поэтическая дорога. Он с тревогой ощущал — судя по тому же письму в редакцию «Дня поэзии» — изнуряющее давление, так сказать, «текущих обстоятельств» на истинно народную песню. Некий суховей, мусорный ветер безнравственного делячества стал иссушать почву, среду, в которой рождалась и звучала эта песня. И поэт часто спорил с профанацией песенной культуры, с шарлатанскими подделками под распевное слово. Он с трудом выносил суетливо-ласковых, живущих опытом стяжательства подтекстовщиков, бешено гоняющихся за композиторами, ревниво следящих за «оборотом» очередного шлягера в репертуарах, радиопрограммах. Здесь нет ни музыки, ни поэзии. Здесь царит циничная эксплуатация поставленного в псевдорусский ряд, обесцвеченного слова («березки», «закаты», «любите Россию») до полного его изнурения...

Немалого мужества требовалось от поэта и для того, чтобы защитить свои же песни, скажем, песню «Летят перелетные птицы», строки из которой «не нужно мне солнце чужое, чужая земля не нужна» были расценены как... декларация социального и культурного изоляционизма! Но ведь в 1945 году весь советский народ — и фронтовики, и женщины, пахавшие в войну на коровах, и подростки, выстаивавшие у станков по четырнадцать часов,— мог сказать так, как сказал Исаковский! И не потому, что плохи чужая земля или солнце, а потому, что своя-то, спасенная от нашествия фашистской чумы, стала дороже, милее во много раз.

Говоря о всемирно-историческом подвиге Советской страны в «годину испытаний, в боях с ордой громил», Исаковский во весь голос напоминал:

> Спасла ты, заслонила
> От гибели весь мир.
> Ты шла в огонь и в воду,
> В стальной кромешный ад,
> Ложилася под танки
> Со связками гранат...
> («Слово о России»).

И что же? Это еще молчаливо приняла критика. Но... Но стоило поэту показать трагический, полный самопожертвования путь России в одной фигуре, собрать вечность на «аршине пространства» (Достоевский) — стихотворение «Враги сожгли родную хату», как вновь зазвучали упреки в якобы избытке печали в строчках о горе солдата, о слезе несбывшихся надежд. Поэту и герою советовали: направить стопы «в сельсовет, там бы с ним поговорили, дали бы совет, помогли бы»... Отвечая одному из критиков, поэт писал: «Непостижимо, почему критик осуждает «несбывшиеся надежды» солдата, который хотел, вернувшись с войны, встретить своих родных и близких, но никого не встретил? Что крамольного в этих

надеждах — сбывшихся или даже несбывшихся? Почему они, как сказано в статье, «искажают образ советского человека»? Разве миллионы советских солдат не были носителями таких же самых надежд? (Причем у многих надежды так же не сбылись, как у моего солдата)... И то, что он тяжело переживает эту трагедию (а не пережить ее могут только неодушевленные предметы), критик называет «замыканием в мирок личных утрат и переживаний».

Вероятно, не раз возникало в душе поэта ощущение, что даже один из шедевров его лирики — стихотворение «Снова замерло все до рассвета» (1945), понятное **в главном своем смысле** в составе цикла («Слово о России», «Русской женщине», «Враги сожгли родную хату», «Услышь меня, хорошая»),— зазвучал как «деревенско-молодежная», заурядно-бытовая, очерченная околицей песня об одинокой гармони и деревенском парубке-гармонисте... Но ведь и она — тревожное эхо войны! Война разрушила многие родственные, сердечные, соседские взаимоотношения, ту единую корневую систему, которая питала каждого и всех вместе. И теперь, после войны, народ «сращивает» воедино порванные волокна, восстанавливает то духовное, нравственное кровообращение, без которого скудна доля, холодна и бездушна жизнь. Концы узловатых, «оборванных нитей», спутанных с другими, отыскивались не сразу. Сердечные муки того же солдата, которому порой некуда нести печаль свою, выразил поэт в задушевных мольбах, стыдливых просьбах:

Услышь меня, хорошая,
Услышь меня, красивая,—
Заря моя вечерняя,
Любовь неугасимая!..

Конечно, и одинокая гармонь, бродящая по улице где-то,— это же символ множества душ, которые, как птицы на пепелище, кружились, метались, восстанавливая гнезда, отыскивая давние узы родства, родники душевной теплоты.

Победа окуплена болью, уносимой людьми в сердцах, огненная метель войны залетает глубоко в тело народа, обрывает такие сложные узлы, что связывать их мучительно трудно:

То пойдет на поля, за ворота,
То обратно вернется опять,
Словно ищет в потемках кого-то
И не может никак отыскать.

Поэзия Михаила Исаковского — соловьиное чудо России, давно отыскавшая своих читателей, слушателей и певцов, продолжает путь в историческом сознании народа. Творения Героя Социалистического Труда М. Исаковского ныне воспринимаются как глоток родниковой воды с ее чистотой и свежестью. И невольно хочется сдуть с поверхности родника всякую пыль, мусор, застарелую паутину, чтобы вновь и вновь зачерпывать из живой, пульсирующей чаши.

ЧТО ВЫ НОСИТЕ ДОМА?

У вас хорошая фигура, красивые манеры, вы обладаете врожденным изяществом — словом, природа не обошла вас своими милостями и сделала вас достаточно привлекательной женщиной. К тому же вы всегда элегантно, со вкусом одеты. Так считают ваши друзья, знакомые, сослуживцы, встречающиеся с вами в театре, на улице, в служебной обстановке. Да, сейчас уже каждая женщина, интересующаяся своим внешним видом, твердо знает, в чем ей пойти на торжественную встречу, праздничный вечер и как одеться, собираясь на работу, что взять с собой на отдых к морю и на лыжную прогулку. Но праздники бывают, как известно, не каждый день, а условия работы большинства женщин заранее предопределяют деловой стиль ее одежды. К тому же мода, серийное, точнее, многосерийное производство нашей легкой промышленности делают нас нередко в чем-то стандартными, однотипными. А ведь мы, женщины, так не любим быть похожими друг на друга, отстаивая свою индивидуальность. И вот как раз дома можно по-настоящему проявить свой индивидуальный вкус, позволив себе даже некоторое отступление от общего направления моды. Дома женщина полновластная хозяйка. И как бы умелы ни были наши мужчины, без женщины жилище всегда остается чуть-чуть необитаемым, холостяцким, недостаточно уютным, теплым.

Мягкие, широко, свободно падающие складки светлой ткани, легкая волна кружев, пышность рассыпавшихся по плечам волос — безусловно, все это очень красиво, и каждая женщина, конечно, об этом знает, но жизнь заставляет ее засучивать рукава, подбирать под косынку свои прекрасные волосы, взять в руки метелку, щетку или пылесос и мыть, скрести, тереть до тех пор, пока жилище наше не заблестит, не засверкает. А вечером в доме будут гости. Их надо угостить, развлечь, не забывая вовремя вынуть из духовки пирог, не дать пригореть мясу, потанцевать с застенчивым гостем, поболтать с подругой и снова все убрать, перемыть, подмести, приготовить, погладить одежду на утро мужу, детям и себе.

Естественно, что при таком напряженном, наполненном различными событиями и делами дне сегодняшней женщине необходим

особый домашний гардероб, позволяющий в любой ситуации сохранить свою привлекательность и обаяние. Видавший виды халат, вышедшее из моды старое платье, вытершаяся кофточка — этот ассортимент совершенно непригоден для элегантной женщины; больше того, он совершенно недопустим для любой уважающей себя женщины. Понятно, что возможности не у всех одинаковы. Но тем не менее, покупая очередную пару туфель или новую блузочку, задумайтесь, в каком состоянии ваши домашние тапочки. Чего греха таить, есть еще женщины, рассуждающие так, что «на людях» надо во что бы то ни стало «давить фасон», а дома можно перебиться кое-как. Вот и получается порой, что в полированно-хрустальном доме ходит хозяйка в стоптанных тапочках и выцветшем, едва запахивающемся халатике. Пора нашей Золушке-домашней одежде уделить особое внимание. Тем более, что это не так уж сложно.

Безусловно, свежий, хорошо отутюженный халатик не надо предавать забвению. Он по-прежнему необходим. Удобны и брюки, так полюбившиеся женщинам. Только дома их хорошо носить с хлопчатыми маечками, блузами более свободного распашного покроя, не стесняющими движения при выполнении домашних дел, легко стирающимися. Практичны, красивы длинные ситцевые юбки, хлопчатобумажные платья, которые легко сшить самим из разных по рисунку кусков дешевой ткани, сочетая по цвету и украсив шитьем, тесьмой, лентами, вышивкой. Фартук, часто и легко стирающийся, тоже можно расшить аппликациями из красивых цветов, сочных листьев или аппетитных фруктов. Складки, оборки, рюши, кружева здесь более чем уместны. Очень хорош для домашней одежды народный стиль. Национальные мотивы разных народов всегда привлекательны в одежде.

Сегодня по просьбе читателей нашей «Странички для женщин» мы публикуем конкретные модели некоторых видов домашней одежды Таллинского Дома моделей.

— Этой тематикой наши таллинские модельеры занимаются давно и много,— сказала в беседе с нами заместитель главного художника ТДМ Мая Рандкюла.— Мы разрабатываем два типа одежды для дома: кухонную с передниками и более нарядную для приема гостей. Два года назад мы участвовали в передаче эстонского радио «Дом и семья», предложив нашим слушателям высказать свои пожелания по вопросу о том, как должен быть одет человек дома. Писем пришло очень много и самых разных. Высказались даже мужчины. К сожалению, большинство из них еще предпочитает удобство даже в ущерб эстетике. Наша задача не допустить, чтобы они носили тренировочные костюмы, быстро приобретающие неопрятный вид из-за вытягивающихся на коленях брюк. Декоративная рубашка с хлопчатыми, вельветовыми или джинсовыми брюками вполне доступны, удобны и эстетичны для дома.

Туалет женщины для приема гостей зависит от характера встречи. Для близких друзей, подруг можно одеться посвободнее. Особенно хороши в этих случаях декоративные длинные платья, украшенные цветным кружевом, шитьем. В холодной квартире удобны теплые юбки из яркой пледовой и шерстяной ткани с вязаными шалями.

Отмечая какую-либо торжественную дату или принимая мало знакомых сослуживцев мужа, следует одеться построже. Тут особенно удобны юбки с блузками.

В юбилейный день, день именин это может быть еще более праздничный, но ни в коем случае не театральный наряд. Его можно сшить из ярких блестящих атласных, вискозного шелка тканей. Этот вариант особенно хорош для молодежи. В нем вы можете прямо из дома пойти потанцевать в кафе.

Аксессуары, украшения могут быть яркими, но ни в коем случае не дорогими, хорошо сочетающимися с дешевой тканью и простотой покроя домашней одежды.

И последнее напутствие женщине, стремящейся быть элегантной и дома,— хозяйка всегда должна быть одета скромно, дабы не смутить никого из пришедших в ваш дом гостей.

Итак, таллинские художники Эльгу Лешкин, Кристель Хмельницки и Мая Рандкюла предлагают варианты одежды для дома. (См. последнюю страницу обложки.)

Б. МОРОЗОВА

Генрих БОРОВИК

ПОВЕСТЬ-ХРОНИКА

ИСТОРИЯ ОДНОГО УБИЙСТВА

За стойкой отеля, на которой ничего нет, кроме календаря и большой стеклянной банки с разноцветными конфетами, стоит хозяйка отеля миссис Бэсси Брюэр, женщина пожилая, небольшого роста, полная, с седыми, чуть голубоватыми, аккуратно уложенными волосами. Она отвечает на вопросы спокойно и держится тоже спокойно. А чего ей, собственно, волноваться? Ко всей этой истории она не имеет ни малейшего отношения. Мало ли людей на свете, мало ли у кого какие с кем счеты, мало ли кто кого хочет убить, может быть, за дело! К ней пришли, спросили комнату, она дала комнату, вот и все. Чего же ей волноваться? Поэтому она держится спокойно и с достоинством. Кажется, она даже не без симпатии говорит о том человеке, который стрелял.

Брюэр: Это был чистый, опрятный господин. Очень аккуратно подстриженные волосы. Ничего в нем такого не было. Темный костюм. В руках какой-то баул, больше ничего.

Вопрос: Какую комнату он у вас просил?

Брюэр: Какую-нибудь, он не назвал, какую. Я сказала, пожалуйста, вам № 8 с кухней за 10 долларов в неделю. Свободна. Но он ответил, что номер восемь не подойдет, ему нужна только спальня. Кухня не обязательно. Ну, спальня так спальня. Я тогда предложила пятую. Он сказал: «Вот и прекрасно». Вежливый был господин.

Вопрос: Он ходил наверх осматривать комнату?

Брюэр: Нет, сразу согласился. От восьмой отказался, а на пятую согласился. И говорит: «Вы хотите, чтобы я сейчас расплатился?» Я говорю: «Как угодно». Тогда он: «Лучше сейчас». Вынул из бумажника 20 долларов — новенькая была бумажка — и протянул мне двумя руками.

Вопрос: Двумя руками?

Брюэр: Да, очень просто. Держал ее двумя руками. Так и протянул.

Вопрос: С каким акцентом он говорил?

Брюэр (чуть помедлила и потом сказала таким тоном, каким признаются в чем-то не без гордости): С южным. Он не янки.

Вопрос: Как он выглядел?

Брюэр: Я ведь уже сказала вам — костюм темный, подстрижен аккуратно.

Вопрос: А лицо, какое лицо?

Брюэр: Что значит — какое лицо? Лицо как лицо. Нос, два уха, глаза.

Вопрос: Вот вы и расскажите, какой нос — длинный или короткий, какие глаза — голубые или, скажем, черные, в общем, опишите лицо.

Брюэр: А зачем мне нужно было его лицо? Я не смотрела на него. В книгу я его записала, в регистрационную. Джон Виллард. Не могу же я в книгу записывать и вверх глядеть, на лицо.

Вопрос: Но прическу вы, однако, заметили?

Брюэр: Не прическу я заметила, а стрижку. Сейчас много патлатых, а этот — нет, этот был аккуратный.

Вопрос: Кто, кроме вас, мог его здесь видеть?

Брюэр: А кто же здесь? Я одна. Может быть, кто-нибудь из постояльцев на втором этаже?

Миссис Брюэр, по-видимому, действительно не глядела в лицо человеку, который назвал себя Джоном Виллардом. Потому что, когда Джеймса Эрла Рэя наконец поймали и фотографии его обошли все газеты, миссис Брюэр посмотрела на фото, высунула язык и, покачав головой, сказала: «Я бы в жизни его не признала... Ни за что бы не признала».

Кто же все-таки видел Джеймса Эрла Рэя в меблированных комнатах миссис Брюэр? Где же та неопровержимая доказательность, на основе которой Джеймс Эрл Рэй признал себя виновным и получил без суда 99 лет тюрьмы?

И тут на сцену выступает господин Стефенс. Полностью — Чарльз Стефенс, постоянный жилец меблирашек, который, как заявило обвинение, «услышал звук выстрела и вышел в коридор как раз вовремя, чтобы увидеть левый профиль подсудимого, когда тот повернул вниз на лестницу».

Сенсации в Америке создаются и сменяют друг друга с такой быстротой, информация сегодняшняя настолько плотно заслоняет информацию вчерашнюю, а привычка да и необходимость жить только сегодняшним днем так настоятельно требуют поскорей, как можно скорей, забывать день вчерашний, что в массе своей американский читатель не имеет ни желания, ни возможности сопоставлять газетные сообщения, разграниченные даже более короткой временной дистанцией, чем два с половиной месяца. Может быть, поэтому никто особенно не удивился тому, что пойманный в июне 1968 года в лондонском аэропорту Джеймс Эрл Рэй нисколько не был похож на свое изображение, созданное вскоре после 4 апреля 1968 года фебеэровскими художниками со слов Чарльза Стефенса, давнего обитателя одной из меблированных комнат миссис Брюэр.

Я в то время жил в Америке, внимательно по своим журналистским обязанностям следил за делом об убийстве Мартина Лютера Кинга, но и я, каюсь, в водовороте событий (сообщение о поимке Джеймса Эрла Рэя в лондонском аэропорту было передано всеми телеграфными агентствами, как известно, в те минуты, когда по Пятой авеню в Нью-Йорке двигалась траурная процессия за гробом Роберта Кеннеди — жертвы другого убийства, по закону свежести информации, оттеснившего на второй план убийство Мартина Лютера Кинга) не сразу обратил на это несходство внимание, не сразу нашел время порыться в старых газетах, взглянуть на фебеэровский портрет Рэя и сравнить.

А различие было большим.

Сразу после убийства Мартина Лютера Кинга журналисты бросились с вопросами к Чарльзу Стефенсу. Ведь он был единственным человеком, который видел предполагаемого убийцу, когда тот сразу после выстрела направлялся к лестнице, ведущей вниз к выходу из гостиницы. По словам Стефенса, убийца был небольшого роста, даже «коротышкой», мелкого телосложения. Это описание имело мало общего с человеком, арестованным в лондонском аэропорту. Но выяснить у Стефенса, почему Джеймс Эрл Рэй мало похож на человека, которого Стефенс видел бежавшим из гостиницы после выстрела, было для журналистов не так-то просто. Точнее, невозможно. Я сам звонил в Мемфис в июле 1968 года, пытаясь разыскать Стефенса и хотя бы побеседовать с ним по телефону. Но оказалось, что главный свидетель обвинения был... посажен в тюрьму.

Полицейские и судебные мемфисские власти объясняли это по-разному. Одни говорили, что Стефенса упрятали в тюрьму для того, чтобы оградить его от возможных угроз (хотя, как признавали сами представители власти, никто никогда не угрожал Стефенсу), другие заявили, что Стефенс страдает алкоголизмом и его держат в тюрьме, чтобы сохранить до начала суда свидетеля, который мог бы опознать в Джеймсе Эрле Рэе того самого человека, который после выстрела направлялся из ванной комнаты на втором этаже к выходу из гостиницы миссис Брюэр.

Но истинной причиной заключения Стефенса в тюрьму, по-видимому, было желание властей оградить Стефенса не столько от мнимых угроз, сколько от возможных расспросов со стороны журналистов. Потому что ответы Стефенса на эти неизбежные расспросы могли сильно подорвать доверие к его свидетельским показаниям.

На портрете человека, виденного беднягой Стефенсом и нарисованного с его слов художником из ФБР, было изображено худощавое лицо (три четверти левого профиля) с неровной и резкой линией нижней челюсти, выдающимся вперед твердым подбородком, ясно очерченными ноздрями длинного носа, четким рисунком бровей, посаженных низко над глазами.

Портрет печатался во многих газетах, в том числе и в «Нью-Йорк таймс» от 11 апреля 1968 года, откуда мы его репродуцируем.

Если сравнить этот рисунок с фотографиями Джеймса Эрла Рэя, которые появились значительно позже, то несходство их бросается в глаза.

Зато портрет, созданный со слов Стефенса, удивительно напоминает лицо другого человека, фото которого промелькнуло никем не замеченным в одной далласской газете за четыре с половиной года до убийства Мартина Лютера Кинга, то есть вскоре после убийства президента Кеннеди.

Эта фотография и продолжала бы оставаться никем не замеченной, если бы не случай, происшедший вскоре после того, как в газетах появились фебеэровский портрет предполагаемого убийцы и сообщение о том, что преступник пользовался псевдонимом Эрик Старво Голт. К одному из настоящих Эриков Голтов, то есть человеку, действительно носившему это имя, однажды подошел знакомый шофер грузовика и сказал, что у него есть фотография убийцы Мартина Лютера Кинга.

— Откуда у тебя может быть его фото? — спросил удивленный Голт.

— Из газеты,— ответил водитель.

— Разве его уже поймали?

— Нет, но он, понимаете ли... как-то так... наверное, не первый раз занимается...

— Чем?

— Его один раз уже поймали — в Далласе... ну, знаете, когда убили Кеннеди... Джона, я имею в виду...

И шофер протянул вырезку из далласской газеты, относящейся к ноябрьским дням 1963 года. На фотографии была изображена группа людей, задержанных по разным поводам полицией в Далласе сразу после убийства Кеннеди и проходивших проверку в полицейском

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1, 2.

участке. Один из этих людей удивительным образом был похож на человека, изображенного на портрете предполагаемого убийцы Мартина Лютера Кинга и нарисованного со слов Стефенса

Шофер объяснил, что газету он нашел однажды во время поездки по городам Соединенных Штатов под сиденьем у себя в кабине (видимо, кто-то из случайных пассажиров оставил), вырезал снимок и хранил. И вот теперь, сравнив два изображения, подивился сходству.

В следственном деле Джеймса Рэя Чарльз Стефенс упоминается как единственный свидетель, который утверждал, что Джеймс Эрл Рэй и человек, бежавший после выстрела из ванной комнаты к выходу из гостиницы, одно и то же лицо. Не странно ли это? Не странно ли, что ни судья, ни обвинитель ни словом не обмолвились на суде о том, что портрет, нарисованный в ФБР со слов Стефенса, не похож на действительного Рэя. Не странно ли, что Стефенс был упрятан в тюрьму для того, чтобы преградить к нему доступ журналистов?

Не странно ли, наконец, что обвинение не приняло во внимание показание другого свидетеля, точнее, свидетельницы, которая находилась в гостинице во время выстрела рядом со Стефенсом и которая была трезва, в ясном уме и твердой памяти? Я имею в виду миссис Грэйс Стефенс — жену Чарльза Стефенса.

Если бы миссис Грэйс Стефенс была вызвана в качестве свидетеля, ее показания (которые она повторяла в первые дни после убийства журналистам) выглядели бы приблизительно так:

Вопрос: Где вы находились около 6 часов вечера 4 апреля 1968 года?

Грэйс Стефенс: Я была в своей комнате в гостинице. Около шести часов я услышала выстрел.

Вопрос: Откуда шел звук?

Грэйс Стефенс: Я не могу сказать, откуда шел звук. Но я знаю, что он отдался эхом под навесом около моего окна.

Вопрос: Это то, что вы слышали. А что вы видели?

Грэйс Стефенс: Сразу после выстрела из ванной комнаты вышел человек, прошел в холл и оттуда вниз по ступенькам, к выходу на Саут-Мейн-стрит.

Вопрос: Каким образом вы увидели его?

Грэйс Стефенс: Я видела его через открытую дверь из моей комнаты.

Вопрос: Можете ли вы сказать, как он выглядел?

Грэйс Стефенс: Мне кажется, ему было лет за пятьдесят. Невысокий. Пониже меня ростом. Щупленький. (Обратите внимание: описание человека, данное Грэйс Стефенс, сходится с первоначальным описанием его, данным Чарльзом Стефенсом в интервью журналистам.— Г. Б.) Одет в армейского цвета незастегнутую охотничью куртку и темные брюки. Волосы с проседью, знаете, соль и перец.

Вопрос: Он что-нибудь нес в руках?

Грэйс Стефенс: Да, у него что-то было в правой руке, но я бы не взялась сказать, что это такое.

Вопрос: Скоро ли после выстрела пришли полицейские в гостиницу?

Грэйс Стефенс: Вначале прискакали репортеры. И они вошли в нашу комнату. Но ни одного полицейского офицера не было в нашей комнате по крайней мере в течение 4 часов после выстрела. Когда они наконец зашли, то взяли меня в полицейский участок, и там меня допрашивал инспектор Зэкери...

Итак, оказывается, свидетелей, которые видели человека, бежавшего из гостиницы после выстрела, было двое. А не один, как утверждали в полиции.

Однако показания миссис Стефенс не фигурировали в официальных бумагах следствия и не упоминались во время мини-суда. Поскольку то, что говорила она, опровергало версию об убийце-одиночке. Джеймс Эрл Рэй — выше среднего роста. А человек, которого видела миссис Стефенс,— низкорослый. Рэй — крепкого телосложения, мускулистый. А миссис Стефенс видела щупленького. Рэю тогда не было сорока, а женщина видела человека за пятьдесят.

Впрочем, первые показания Чарльза Стефенса, судя по фебеэровскому портрету Рэя, тоже не подходили для ФБР, но алкоголика, по-видимому, легко было уговорить, чтобы он в конце концов «узнал» в Джеймсе Эрле Рэе того человека, которого видел в коридоре гостиницы. Тем более, что уговаривать Чарльза Стефенса помогала тюремная камера, в которую его заключили.

Ну, а миссис Стефенс оказалась упрямее и честное мужа. Ее не удалось уговорить. И тогда, чтобы лишний свидетель не запутывал ясного дела, его просто-напросто вывели из игры.

8 июля 1968 года Грэйс Стефенс была отведена двумя полицейскими, одетыми в штатское платье, в городской госпиталь в Мемфисе. Предлог был избран простой — у нее после вывиха болела щиколотка. Но в отделении срочной помощи Грэйс Стефенс осматривал почему-то не хирург, а психиатр, который тут же поставил диагноз: «наклонность к самоубийству» и без долгих разговоров поместил ее в отделение для душевнобольных. А еще через три недели Грэйс Стефенс перевезли в дом для умалишенных штата Теннесси.

По свидетельству многих людей, знавших ее давно, Грэйс Стефенс была психически здоровым человеком и могла целиком отвечать за себя и за свои поступки. В истории ее болезни (до помещения в госпиталь) не было никаких записей, свидетельствовавших о каких бы то ни было признаках психического заболевания. Ее поместили в госпиталь незаконно, как по существу, так и с точки зрения процедурных норм, требующихся в таких случаях. По закону администрация больницы должна была заранее уведомить родственников Грэйс Стефенс о предполагаемой ее госпитализации. Но никто из ее родственников такого уведомления не получал.

И еще одно: история болезни Грэйс Стефенс исчезла из мемфисской больницы, где женщина лечилась до этого.

В начале 1978 года я звонил в Мемфис, чтобы выяснить, где находится Грэйс Стефенс. Мне сообщили, что ее все еще держат в доме для умалишенных.

Ее продержали там более десяти лет.

Описать человека, виденного в течение десятка секунд через открытую дверь комнаты, когда он, этот человек, проходил мимо,—дело непростое, не исключающее ошибок.

Но надо полагать, что все-таки у обвинения (и у защиты, которая, как известно, целиком согласилась с обвинением) имелись бесспорные доказательства того, что именно Джеймс Эрл Рэй был в ванной комнате, находящейся рядом с комнатой № 5, и стрелял оттуда.

Такими бесспорными, исключающими всякий субъективизм и ошибки, доказательствами могли бы быть отпечатки его пальцев.

Об отпечатках пальцев и ладони Джеймса Эрла Рэя, оставленных в ванной комнате, писал знакомый нам Уильям Хьюи, когда через полгода после осуждения Рэя на 99 лет опубликовал статью, в которой пытался опровергнуть все то, что так убедительно доказывал в первых двух статьях, напечатанных в журнале «Лук».

Хьюи: Часть времени между 4.30 и 6.01 днем 4 апреля Рэй провел в наблюдении за доктором Кингом из окна комнаты № 5. Свидетельства этому — отпечатки его пальцев и тот факт, что после убийства кресло и стол в комнате № 5 были найдены передвинутыми к окну... А отпечаток его ладони был найден на стене ванной комнаты...

Вопрос: Но, позвольте, неужели Рэй настолько легкомыслен, что не догадался надеть перчаток? Уж эту-то меру предосторожности он мог бы предусмотреть?

На этот, как мне кажется, весьма логичный вопрос отвечает адвокат Рэя — Перси Формэн (заменивший Артура Хэйнса).

Перси Формэн: Я знаю, почему Рэй не надевал перчаток и оставил отпечатки пальцев. С одной стороны, он хотел скрыться, но, с другой — он жаждал дать миру доказательство своей причастности к этому делу. Для этого он и оставил отпечатки пальцев на стене комнаты, которую арендовал, и отпечаток ладони в ванной комнате, откуда стрелял.

Ну что ж, такое объяснение вполне возможно.

Вообще через печать было создано мнение, что чего-чего, а уж отпечатков пальцев Рэй оставил на месте преступления больше, чем достаточно.

Но вот что интересно. Обвинение нигде не объявляло о том, что отпечатки пальцев или ладони Рэя были найдены в меблированных комнатах — в комнате № 5 или в ванной комнате

Почему? Как можно было даже в краткой речи на том кратком мини-суде не сказать о такой серьезной, решающей улике?

Мы можем это выяснить у капитана Дьюэла Рэя из отделения внутренней безопасности мемфисской полиции и у инспектора Зэкери.

Вопрос: Насколько мы знаем, вы обследовали комнату № 5 и ванную комнату на предмет обнаружения отпечатков пальцев и других подобных улик?

Капитан Рэй: Да.

Вопрос: Вы действительно обнаружили отпечатки пальцев и ладоней преступника?

Капитан Рэй: Мы обнаружили отпечаток ладони в ванной комнате. И отпечатки пальцев мы тоже нашли — в комнате № 5.

Вопрос: Вы занимались дальнейшей экспертизой, связанной с этими отпечатками?

Капитан Рэй: Нет, это уже дело инспектора Зэкери.

Вопрос (к инспектору Зэкери, главе отделения мемфисской полиции по расследованию убийств): Вы проводили экспертизу по отпечаткам пальцев и ладони?

Инспектор Зэкери: Да, под моим руководством мы покрыли специальным составом отпечатки ладони и провели экспертизу. Отпечатки пальцев в комнате № 5 тоже покрыли составом и тоже проверили.

Вопрос: И что же? Эти отпечатки принадлежали Джеймсу Эрлу Рэю?

Инспектор Зэкери: Нет. Было установлено, что ни отпечатки пальцев в комнате № 5, ни отпечаток ладони в ванной комнате не были оставлены Джеймсом Эрлом Рэем... Отпечатки его пальцев были найдены на винтовке «ремингтон» в бауле, брошенном на тротуаре...

Но ведь это же все меняет!

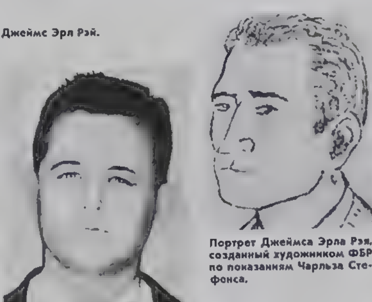
Это значит, что либо в комнате № 5 и в ванной комнате в момент выстрела находился не только Рэй, но и кто-то другой, либо Рэя там вообще не было. Это, вероятнее всего, означает также, что из окна ванной комнаты стрелял не Рэй, а кто-то другой. Если Рэй сам хотел уничтожить следы, то он один не мог бы стереть все возможные отпечатки своих пальцев (судя по отпечаткам пальцев на винтовке, он работал без перчаток). Значит, и в этом случае кто-то ему помогал, значит, и в этом случае речь идет о сообщниках, о заговоре.

Обвинение умышленно умолчало обо всем этом. А писатель Хьюи умышленно лгал, заявляя, что отпечатки пальцев в комнате № 5 и ладони на стене ванной комнаты принадлежали Джеймсу Эрлу Рэю.

Делались ли попытки установить личность человека, которому принадлежали отпечатки пальцев и ладони, найденные в комнате № 5 и в ванной комнате руминг-хауза?

Я не нашел указаний на это ни у кого из людей, официально причастных к следствию.

Выстрел в Кинга был сделан из окна ванной комнаты на втором этаже гостиницы миссис Брюэр. Если посмотреть план улицы и обоих домов, находящихся друг против друга, то можно убедиться, что окно ванной комнаты — самая (если не единственная) удобная позиция для стрельбы по человеку, который хотя бы на несколько секунд появится на балконе второго этажа мотеля «Лоррейн».



Джеймс Эрл Рэй.

Портрет Джеймса Эрла Рэя, созданный художником ФБР по показаниям Чарльза Стефенса.

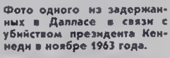


Фото одного из задержанных в Далласе в связи с убийством президента Кеннеди в ноябре 1963 года.

Оба доме, как я уже сказал, находятся друг против друга по улице Мэлберри. Однако адрес мотеля «Лоррейн» — Мэлберри-стрит. А адрес меблированных комнат (руминг-хауз) — Саут-Мэйн-стрит, № 422½. То есть вход в руминг-хауз — не напротив мотеля «Лоррейн», а с другой улицы, идущей параллельно улице Мэлберри. В сторону же мотеля «Лоррейн» смотрят окна лишь задней стены руминг-хауза, не имеющей ни входа, ни выхода.

Чтобы оказаться возле окна, откуда стрелял преступник, надо войти в здание гостиницы со стороны фасада на улице Саут-Мэйн, подняться на второй этаж и по короткому переходу пройти в другое здание, которое соседствует с гостиницей, но второй этаж которого относится к ней (первый этаж занимает ресторанчик «У Джима»).

Если смотреть на окно, откуда был произведен выстрел со стороны улицы Мэлберри, где стоит мотель «Лоррейн», никак не догадаешься, что это окно может относиться к меблированным комнатам миссис Брюэр. Если непосвященный человек будет смотреть на руминг-хауз со стороны фасада, он никогда не подумает, что второй этаж дома, где помещается ресторанчик «У Джима» по адресу 418 Саут-Мэйн-стрит, имеет отношение к гостинице. Непосвященному человеку трудно также догадаться, что окна этого дома выходят не только на Саут-Мэйн-стрит, но и на улицу Мэлберри, где стоит мотель «Лоррэйн». Одним словом, убийца должен был заранее знать обо всем этом. Он должен был заранее знать и о том, что по балкону мотеля «Лоррейн» возле двери комнаты № 306 можно прицельно выстрелить лишь из окна ванной комнаты руминг-хауза. Из других окон этой части дома стрелять по балкону мотеля было неудобно либо просто невозможно. Два из них закрыты слишком густыми и высокими деревьями (перед окном ванной комнаты деревья пониже), из остальных окон дверь комнаты 306 не видна вообще, поскольку она закрыта частью здания мотеля «Лоррейн».

Итак, убийце надо было не просто поселиться в гостинице миссис Брюэр, но занять комнату только на втором этаже примыкающего здания в номере, который соседствует с ванной комнатой, чтобы в нужное время пройти туда и выстрелить в Кинга с этой единственно удобной позиции.

Убийца должен был знать, что Кинг остановится в мотеле «Лоррейн», что ему отведут там комнату № 306, очень точно знать план гостиницы миссис Брюэр и знать также, что около шести часов вечера 4 апреля Кинг отправится в гости на ужин к священнику Кайлсу и что, направляясь туда, он обязательно выйдет из своей двери на балкон (из этой комнаты не было другого выхода). Последнее обстоятельство убийце нужно было знать для того, чтоб за несколько минут до шести часов с винтовкой в руках перейти из комнаты № 5 в ванную комнату (иначе, выжидая момент для стрельбы, ему пришлось бы занимать ее слишком долго, а слишком долго запертая дверь в ванную комнату могла бы вызвать подозрения постояльцев еще до выстрела).

Судя по тому, что убийца действовал четко, он, видимо, действительно все знал заранее: и план гостиницы, и номер комнаты, в которой остановился Кинг в мотеле «Лоррейн», и расписание его дня.

Мог ли Джеймс Эрл Рэй, действуя в одиночку, обладать всеми этими сведениями?

Маловероятно.

Человек, назвавшийся Джоном Виллардом, не поднимался на второй этаж, не заходил ни в комнату № 8, ни в комнату № 5. Однако он сразу же отказался от номера восьмого, предложенного поначалу хозяйкой гостиницы, и немедленно согласился на номер пятый.

Значит, Джон Виллард прекрасно знал расположение комнат, знал, что будет стрелять из окна ванной комнаты, а жить будет поблизости от нее в комнате № 5, из окна которой удобно было наблюдать за балконом мотеля «Лоррейн».

Кто-то заранее снабдил его планом руминг-хауза с инструкцией, какую комнату снимать.

Комната № 5 была свободна в этот день. Предположить, что миссис Брюэр держала ее свободной специально для убийцы, конечно, можно, но слишком уж на поверхности лежит вероятность ее участия в заговоре, слишком опасно это было бы для нее, почти самоубийственно.

Вероятнее другое. Кто-то приходил сюда заранее, кто-то из тех, кто знал или надеялся, что Мартин Лютер Кинг остановится именно в мотеле «Лоррейн», кому нужно было найти именно такое окно, откуда «Лоррейн» просматривается наилучшим образом.

Значит, тот человек не просто приходил сюда и крутился здесь, потому что прийти и покрутиться, зайти в одну комнату или в другую — это дело не простое, это дело заметное. Гораздо вероятнее, что он поселился здесь, хотя бы на один день, как только стало известно о возможном приезде Кинга в Мемфис. А поселившись, облюбовал ту самую ванную комнату, откуда так удобно можно было стрелять по мотелю «Лоррейн».

Сколько времени он жил здесь? Один-два дня? Несколько часов? Неделю? Месяц? Съехал перед самым появлением убийцы? Неважно. Важно другое: кто-то обязательно должен был жить здесь, подготавливая план убийства. Кто?

Меблированные комнаты миссис Брюэр — это ведь не отель «Плаза» в Нью-Йорке, в котором каждый день поселяется и из которого выезжает несколько десятков или, может быть, сотен человек. Это маленький дешевый и невзрачный дом, где люди обычно живут долго, и если есть два-три новых постояльца в неделю (если не в месяц), то и это уже много. Так что, наверное, если бы посмотреть и проанализировать список жильцов в течение месяца до 4 апреля, можно было бы найти 10—12 человек, а может быть, и того меньше, которые приезжали и оставались в отеле день-два, не больше.

Такой список существует в регистрационной книге каждой гостиницы. В книгу записывают всех постояльцев: кто приехал, когда

Фото, сделанное вскоре после выстрела по Кингу.

приехал, марка и номер автомашины, какую комнату занимал, когда выехал, сколько заплатил. Анализ записей в этой книге мог бы стать бесценным материалом для следствия.

Мог бы. Но не стал.

Оказалось, что книга эта была... утеряна. Да, да, утеряна. Вскорости после того, как миссис Брюэр передала ее агентам ФБР.

Так, во всяком случае, объяснило ее исчезновение следствие.

Потеряли — и все. Бывает же в суматохе.

Правда, регистрационная книга — это одно из главных вещественных доказательств. А главные вещественные доказательства, как, впрочем, и второстепенные, терять не полагается. Особенно в таком высокопрофессиональном учреждении, каким, надо понимать, является ФБР. И особенно в связи с расследованием преступления, которое возмутило весь мир.

Однако утеряли.

Причина? Можно предположить только одну. Вероятнее всего, в этой книге была запись о регистрации в отеле человека, чье пребывание там мешало версии ФБР. «Убрать» этого человека из меблированных комнат было настолько важным делом для ФБР, что оно пошло на то, чтобы убрать книгу.

Все помнят эту фотографию.

Первые минуты после выстрела.

Кинг лежит смертельно раненный на балконе мотеля «Лоррейн», правая рука откинута в сторону и назад, локоть левой безжизненно подвернут под тело, ступни ног зажаты между полом балкона и нижним прутом прямоугольной фигурной ограды.

Один из друзей Кинга уже приложил к тому месту, куда вошла пуля, белый платок, безуспешно пытаясь остановить кровь. По-видимому, в это время кто-то внизу спросил: откуда стреляли? И все, кто был на балконе рядом с Кингом, все повернули головы и протянули руки туда, откуда пришел выстрел. Все в одну сторону.

Это уже второе или третье мгновение после того, как Кинг упал на цементный пол. Уже первый порыв — помочь, помочь Кингу! — отступил. Темное пятно под его головой — все больше и больше. И сейчас они, еще сердцем надеясь, что выживет Кинг, а разумом понимая — нет, все кончено,— уже в силах подумать о другом: кто? И, после вопроса, который раздался снизу, все они на балконе вдруг подумали: да, да, откуда стреляли, ведь это тоже важно, хотя, казалось бы, что вообще может быть сейчас существенного рядом с телом этого человека...

Телом...

Но жизнь есть жизнь, и борьба будет продолжаться, и во имя этой борьбы... Они оторвались от Кинга, поднялись с колен, и каждый, не сговариваясь, протянул руку вперед и вправо — в сторону, где сквозь чащобу деревьев еле-еле можно было разглядеть окна того дома, где помещаются меблированные комнаты.

Их на фотографии пять человек. Не считая Кинга... Их можно назвать поименно. Это все друзья Кинга, соратники по борьбе, его самые близкие люди. Каждый из них с готовностью подставил бы свою грудь под пулю, чтобы защитить Мечтателя. Если бы только знать заранее, если бы успеть, если бы суметь предупредить... Оттолкнуть Кинга от летящей пули, не пустить смерть на балкон, который вот он, весь на виду, у окон того дома напротив. Если бы проверить заранее все те окна: не притаилось ли там дуло винтовки калибра 30.06, не прищурен ли человеческий глаз за линзами оптического прицела, спрятанного в чащобе деревьев.

Если бы знать, если бы предугадать, если бы принять все меры предосторожности заранее!..

Но обо всем этом должна была позаботиться охрана.

Я так подробно вспомнил о той фотографии, всмотрелся еще раз во всех, кто был с Мартином Лютером Кингом на балконе в те трагические минуты после 6 часов вечера 4 апреля, потому что — странное дело — на балконе рядом с Кингом не было охраны.

И во дворе, внизу, там, куда он, склонившись, бросил последний взгляд, исполненный улыбки и добра,— там тоже не было охранников. Ни одного! (Я перечислил, кто там был, в самом начале этого повествования.)

Но позвольте, Кинга обязана была охранять полиция Мемфиса. Обязана по той простой причине, что смертью ему грозили многие,— это было каждому ясно; обязана, потому что Кинг был одним из известнейших американцев, общественным деятелем мирового масштаба.

Учитывая обстоятельства, которые возникли перед возвращением Мартина Лютера Кинга в Мемфис 3 апреля, меры для обеспечения его безопасности должны были быть широкими и всеобъемлющими.

Начальником полиции в Мемфисе в эти дни был некто Фрэнк Холломен. Точнее, он был начальником и полицейского и пожарного департаментов города. В его распоряжении были также 4 тысячи солдат Национальной гвардии, помощь ему должны были оказывать агенты ФБР, которых было в городе великое [illegible]

Для обеспечения безопасности человека обычно полиция устанавливает открытый или скрытый пост охраны поблизости от его жилья, которая может принять экстренные меры и быстро связаться с полицейским штабом, чтобы в случае необходимости вызвать оттуда подмогу.

Напротив мотеля «Лоррейн» находились два дома, из окон которых хорошо просматривался весь мотель «Лоррейн» и улица в обе стороны. Этими домами были известный нам румминг-хауз и пожарная станция № 2. В обоих Холломен мог бы установить посты полицейского наблюдения и охраны.

И уж, во всяком случае, должен был обеспечить, чтобы оба этих здания не использовались возможным убийцей.

Холломен принял решение организовать пост охраны Кинга во время его пребывания в мотеле «Лоррейн» в здании пожарной команды.

Мемфисская полиция и раньше организовывала подобные посты обеспечения безопасности поблизости от отелей, где жил Кинг, когда приезжал в Мемфис. Так что у полиции имелся значительный опыт.

Однако обстоятельства, связанные с обеспечением безопасности Кинга 3—4 апреля, отличались от предыдущих.

Расовая напряженность в эти дни в городе была настолько острой, ненависть расистов к Кингу настолько звеной, что меры безопасности должны были быть приняты особые, усиленные в несколько раз.

Обычно полицейский пост по обеспечению безопасности Кинга — в прошлые его приезды — формировался из 10 человек — детективов, офицеров и прочих чинов полиции. 4 апреля это число было изменено в 5 раз. Но не в сторону увеличения... а в сторону уменьшения. Полицейский пост в здании пожарной команды, откуда было очень удобно вести наблюдение за мотелем «Лоррейн», на этот раз состоял всего из двух человек: детектива негра Эда Реддитта (командир) и его помощника, белого полицейского из Мемфиса Уильяма Ричмонда.

Детектив Реддитт пользовался славой честного и серьезного работника, он не в первый раз занимался обеспечением безопасности Кинга в Мемфисе, знал в лицо всех людей, которые его обычно окружали, весь персонал Южного Совета христианского руководства, знал их машины, номера машин. Знал он прекрасно местных куклуксклановцев, самых рьяных расистов (не столько потому, что был детективом, сколько потому, что был негром), а также всякого рода экстремистов. Он был весьма удивлен, когда узнал о решении начальства направить на пост охраны только двух человек.

Два человека — это очень мало для обеспечения безопасности Кинга. Но Реддитт все-таки надеялся на себя. Он выработал точный план действий на случай, если Кингу грозила бы конкретная опасность.

Однако этот план не был приведен в исполнение по той простой причине, что **Реддитта не было на месте в момент убийства Кинга.**

Приблизительно за полтора часа до трагического события в здание пожарной охраны приехал лейтенант Аркин, который служил в разведотделе мемфисской полиции. Он поднялся по лестнице на второй этаж в комнату, где сидели оба детектива, подошел к Реддитту, хлопнул его по плечу и сказал:

— Эд, тебя вызывают в штаб.

— Зачем?

Аркин пожал плечами.

— А кого вместо меня?

— Не знаю,— ответил Аркин,— по-моему, никого.

— Так что же, на весь пост останется один человек? Один Ричмонд? — удивился Реддитт.

— Послушай, задавай вопросы полегче. Это приказ Холломена,— и Аркин повернулся к выходу.

На посту оставался один человек. Что он мог сделать в случае опасности? Вызвать по радио подкрепление? Но, как известно, в ситуациях, когда для злодейства требуется один выстрел, подкрепление обычно прибывает, когда все уже кончено. Так рассуждал Реддитт, идя вслед за лейтенантом. И надеялся лишь на то, что начальство будет держать его недолго и что вскоре он снова будет на месте.

Реддитт сел в машину к лейтенанту Аркину и поехал в полицейское управление.

В тот день, 4 апреля 1968 года, приблизительно за час до убийства Мартина Лютера Кинга в комнате начальника полицейского управления Мемфиса Фрэнка Холломена проходило совещание начальников и заместителей начальников всех полицейских и других подразделений, которые представляли собой реальную силу в Мемфисе. В кабинете Холломена находились шериф, глава и заместитель начальника дорожной полиции, командующий отрядами Национальной гвардии и его заместитель, начальник и заместитель начальника пожарной охраны и т. д. и т. п. Такое совещание, обезглавливавшее все подразделения службы порядка Мемфиса в момент, когда расовая напряженность в городе подходила к апогею, само по себе удивительно. Ведь совещание можно было провести по селектору, по многономерному телефону. Можно было, наконец, вызвать к себе только начальников подразделений, оставив на месте действия их заместителей. Однако нет, Холломен собрал у себя всю верхушку власти.

Когда Реддитт вошел в кабинет Холломена, он застал их всех. Начальник полиции поднялся навстречу детективу.

— Ну вот, наконец-то ты пришел, Эд. Слушай, тут есть важное дело для тебя.— Холломен положил руку на плечо Реддитта и увлек его в сторону, подальше от стола, за которым шло совещание.

— Слушаю, сэр.

— Понимаешь, какая штука,— сказал Холломен, не снимая руки с плеча негра.— Тебя, понимаешь ли, готовятся убить, вот в чем дело.

— Меня? Кто? — удивился Реддитт.

— Да, видишь, какая ты у нас теперь важная птица,— засмеялся Холломен,— уж и покушение на тебя готовят.

— Ошибка какая-нибудь. Кому я нужен?

Холломен понизил голос:

— Вон видишь того джентльмена? Он из секретной службы. Из Вашингтона. Специально приехал сюда из-за тебя. У них есть абсолютно точная информация от дорожной полиции штата Миссисипи, что одна тамошняя организация тупоголовых приняла решение убить тебя.

— Из Миссисипи? — еще более удивился Реддитт.— Да что я им сделал? За что?

— Уж не знаю. Знаю только, что они отрядили для этого снайпера из Сан-Луиса. Вполне возможно, он уже здесь, в Мемфисе. Благодари секретную службу. Их человек, понимаешь ли, специально летел сюда из Вашингтона для того, чтобы сообщить нам об этом. Так что тебе лучше всего, брат, ехать домой. Дам тебе двух офицеров на всякий случай, и езжай.

— Как же с охраной Кинга? — спросил Реддитт.

— Тут не беспокойся, это, понимаешь ли, мое дело. А ты давай домой и сиди там с обоими офицерами, пиво пей.

— Зачем же домой? — спросил Реддитт.— Перепугают всю семью. У меня теща больная.

— Нашел о чем говорить сейчас — теща! — недовольно поморщился Холломен.— Ну, хорошо. Можно не домой. Поставь машину неподалеку от дома и сиди в ней. Эти двое будут вместе с тобой. В машине.

— А Кинг? — еще раз спросил Реддитт.

— Что Кинг?! Ничего, понимаешь ли, не сделается с твоим Кингом. Там все будет в порядке. Езжай домой. Это приказ. Понятно?

Продолжение следует.

ОБЖИВАЮЩИЕ СТИХИЮ

«Уста» по-азербайджански значит «мастер». Этим словом награждают самых достойных людей. Уста Пири Гулиев, герой документальной повести азербайджанского писателя Сулеймена Велиева «Династия Гулиевых»,— родоначальник целой династии нефтяников Каспия. Впрочем, это не совсем так, ибо Пири Гулиев пришел на промысел по стопам своего отца. Еще в прошлом столетии трудился на промыслах в Сураханах Дост Мамед. Он был тартальщиком, то есть добывал нефть вручную из колодезей. Из поколения в поколение, от отца к сыну передавались добрые трудовые традиции семьи Гулиевых и каждым поколением умножалась ее слава.

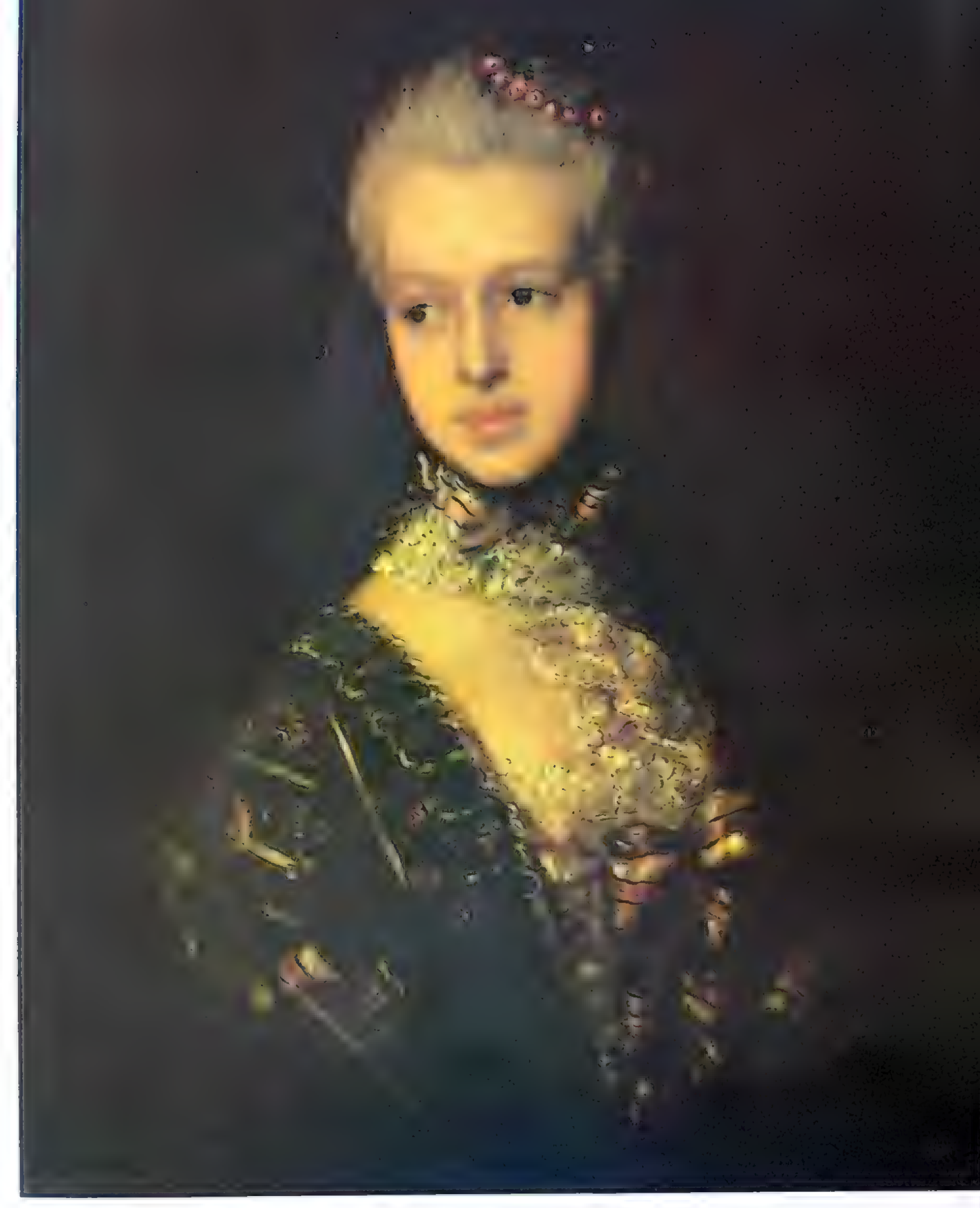
Уста Пири Гулиев был одним из пионеров морского бурения. Его сыновья Мамед Паша и Исрафил стали крупными учеными в этой области. Научно-технические достижения советских нефтяников, как отмечает С. Велиев, граничат с чудесами.

Строго документальный рассказ С. Велиева не лишен элементов художественности. Его диалоги четко скомпонованы и остры.

Повесть С. Велиева в подзаголовке обозначена как «Хроника одной семьи». Термин «хроника», несмотря на некоторую суховатость, употреблен автором не без основания. Не все члены семьи Гулиевых одинаково связаны с нефтяными промыслами. Один из сыновей Пири Гулиева, например, историк, дочь работает врачом. Но, прослеживая в хронологической последовательности те или иные события жизни этой семьи, автор заключает: кто бы ни были эти люди — ученые, общественные деятели, интеллигенты,— общее для них одно — рабочая закалка, умение трудиться. Трудиться так, чтобы жарко было и небу и морю!

Валентина ЛЕВОЧКО

С. Велиев. Династия Гулиевых. Госполитиздат. М., 1979. 96 стр.



Томас Гейнсборо. 1727—1788. ЭЛИЗАБЕТ РОТСЛИ, ВПОСЛЕДСТВИИ ГЕРЦОГИНЯ ГРАФТОН. 1764—1765.

Национальная галерея Виктории Мельбурн

Джозеф Тёрнер. 1775—1851. УОЛТОНСКИЕ МОСТЫ. 1806.

Национальная галерея Виктории. Мельбурн

Джон Констебл. 1776—1837. ОЗЕРО КЕСВИК. 1807.

ЕСТЬ ТАКОЕ МЕСТО – ДОМОТКАНОВО

Тихое место это Домотканово. И жизнь была тут тихая. По березовой аллее проходили редко, стараясь не тревожить во время работы художника Валентина Александровича Серова. Еще совсем молодым в 1888 году, до женитьбы, он написал здесь знаменитую «Девушку, освещенную солнцем» — портрет Маши, Марии Яковлевны Симонович. Работал Серов над портретом, по своему обыкновению, долго, три месяца. Много лет спустя, уже незадолго до смерти, в 1911 году, художник, стоя однажды в Третьяковской галерее перед этим шедевром, «махнул рукой и сказал не столько мне, сколько в пространство: «Написал вот эту вещь, а потом всю жизнь, как ни пыжился, ничего уж не вышло: тут весь выдохся», — вспоминал И. Грабарь.

...У входа в сельский музей В. А. Серова (он расположен на территории колхоза имени XXII съезда КПСС) укреплена мемориальная доска. Поднимаясь с проходящей внизу холма дороги к одному из зданий, в котором жил Серов в Домотканове, я невольно остановился у огромной березы, погладил ствол, неохватный, заматеревший, не так высоко от земли обмотанный почему-то тряпкой. Постоял, прикинул, что могло видеть это дерево, свидетелем каких великих перемен в жизни людей оно стало... Может, и Валентин Александрович останавливался отдохнуть здесь, может, помнит береза и легкие шаги Маши Симонович...

Экспозиция музея — четыре небольшие комнаты. В пятой библиотека — «на шесть тысяч томов», в последней — хранилище. Предметы усадебного быта, фотографии, рассказывающие о Домотканове и его прежних владельцах, репродукции картин, несколько офортов работы самого Серова, книги о нем — вот, собственно, и все. Мало? Но ведь это в деревне, далеко от железнодорожной станции, по прежним-то временам — в глуши.

Музей был открыт в 1965 году в связи со столетием со дня рождения знаменитого русского художника, который подолгу жил здесь и работал. Почему именно здесь? Дело в том, что Серов был приятелем хозяина имения, молодого художника-пейзажиста Владимира Дмитриевича Дервиза, женатого на его родственнице. Да и места здесь очень красивые. Оттого Серов приезжал в Домотканово неоднократно в течение всей своей жизни, написав в этом скромном имении свыше тридцати полотен, вошедших в сокровищницу русской живописи: «Девушку, освещенную солнцем» (1888), «Заросший пруд», созданный в том же году; «Летом» (1895) — портрет жены художника О. Ф. Серовой; «Октябрь. Домотканово» (1895), «В деревне. Баба с лошадью» (1898)... Серов сам по просьбе своего друга еще до покупки имения ездил его осматривать. Он как художник и первый оценил его — дом, холмистые дали, спокойную красоту этих мест.

Председатель совета музея Александр Федорович Миняев, как сам про себя любит говорить, «человек робкий». Он не молод. В прошлом учитель сельской школы, затем ее же директор. Прошел войну.

— Разве она кому-нибудь мешала? — будто спросил он сам себя, когда мы проходили мимо раненой березы, на которую и я обратил внимание.— А этот тракторист думал: растет двести лет, так ничего ей не будет!

Я испугался,— продолжал он,— засохнет. Вот прошлым летом глиной обмазал, тряпкой обмотал.

Живет Александр Федорович с женой, тоже когда-то учительницей, в маленьком селе Захеево, от Домотканова — с горы спуститься. Редко встретишь такого доброго, простого и одновременно очень интеллигентного человека. Гордится тем, что математике учился у знаменитого Брадиса, знает немецкий язык в совершенстве... И теперь вот Домотканово, где бегал мальчишкой, неподалеку от которого родились и отец и дед... Это он, Александр Федорович, подсадил между старых берез тонкие прутики молодых побегов. Он, собственно, живет всем этим.

В. Серов. Девушка, освещенная солнцем.

Папки и оригиналы всех документов, относящихся к Домотканову, газетные вырезки, папки с воспоминаниями живших здесь когда-то людей — все это аккуратнейшим образом содержится в хранилище музея.

Вот папка с воспоминаниями племянника хозяина Георгия Валериановича Дервиза о В. А. Серове. Небольшие отрывки из них публикуются впервые.

«Серов не любил вычурности, всегда стремился к наиболее простому и ясному выражению мыслей и всякой правде в жизни.

Обычно Валентин Александрович был сосредоточен и молчалив, но, по-видимому, тем острее и яснее замечал он в окружающем красивые и теневые стороны, в людях их сущность, характерные черты данного человека, часто смешные стороны его поведения.

...Передать подмеченную особенность Валентин Александрович умел не только мастерской линией или цветом, но и представить наглядным образом: жестом, мимикой, короткой репликой, поворотом головы, движением глаз, всей своей фигурой. И при этом получался, можно сказать, художественный образ. Я сказал, что Валентин Александрович был молчалив, но... одновременно у него была потребность войти в общение с окружающими, нарушить молчание...

...У него (Серова.— М. И.) было постоянное стремление... точнее, правдивее, характернее передать то, что он изображает. И он не уставал пополнять свои наблюдения.

Отчетливо помню, как Валентин Александрович писал одну картину. Это было в 1910 или 1911 году, и, вероятно, это была последняя его работа в Домотканове. Картина должна была изображать отъезд из дома темным вечером. Замысел ее был несколько необычен. Вообще, как известно, Серов любил изображать лошадей, и на этот раз он задумал написать стоящую в темноте запряженную в коляску тройку лошадей, освещенную лишь местами. Каждый вечер запрягалась тройка и подъезжала к крыльцу дома.

...Здесь кучер Григорий из деревни Игнатово останавливал экипаж. Приоткрывали дверь дома и за ней ставили сильную лампу-молнию. Таким образом из полуоткрытой двери подъезда вырывался яркий свет, который и давал некоторую освещенность окружающим предметам... Постепенно из мрака вырисовывались силуэты лошадей, колес, коляски — главным образом тех частей ее, на которые падал пучок света, остальное скорее угадывалось, чем виделось. И вот эти намеки на окружающее в темном воздухе и надо было изобразить так, чтобы они угадывались, очевидно, вместе с тревогой отъезда.

Была осень, иногда моросил дождь, и это мешало работе... Валентин Александрович уехал. Картина так и осталась неоконченной. Раньше она висела в Третьяковской галерее, над дверью, и ее нельзя было хорошо рассмотреть».

Жив ли человек, оставивший эти интересные записи? Как сложилась его судьба?

— Судьба моя сложилась довольно просто,— рассказал Георгий Валерианович, когда я навестил его дома, на многошумном Садовом кольце.— В 1916 году поступил в Московский университет, на медицинский факультет. В 1921-м окончил — был ускоренный выпуск. На экзамене по биохимии профессор сказал мне: «Надумаете, приходите к нам работать». И я стал «оставленным при университете» — теперь бы меня назвали аспирантом — и изучал биохимию в преломлении к медицине. С ней, собственно, и связана вся моя жизнь. Позже сам стал профессором... А сейчас пенсионер, но продолжаю работать. И ревностно собираю все, что касается Домотканова.

Этой тверской усадьбе, по словам Грабаря, Россия по преимуществу обязана «крестьянским Серовым», давшим превосходные картины жизни русской деревни.

В. Д. Дервиз вспоминал:

«Рисовал Валентин Александрович быстро и сразу достигал такого сходства, которого другой художник вообще не достигнет — это было для него делом нескольких минут. Однако... при писании портретов он часто требовал от модели громадное количество сеансов. Происходило это, конечно, потому, что он ставил перед собой более сложные задачи, чем просто достижения портретного сходства».

В Домотканове, кроме Серова, работали Левитан, Билибин, Фаворский. Своего рода второе Абрамцево! В 1965 году шефство над музеем было взято Калининской картинной галереей. Выделялись средства, которые нужны для ремонта помещения, восстановления парка, расчистки системы усадебных прудов.

— Думали, дело дальше пойдет. А дальше — почти не двигается,— говорит А. Ф. Миняев.— Правда, помогает председатель нашего колхоза. Но у него своих дел много...

Дело помощи музею, наверное,— не только одного колхоза.

Последнее, что запомнилось в Домотканове,— толстый ствол залеченной березы.

Живет!

Максим ИВАНОВ

Дом в Домотканове—фотография начала XX века (публикуется впервые).

МАСТЕР

А. ЗВЯГИНА

Фото И. ТУНКЕЛЯ

Музыка, которую сочиняет Дмитрий Борисович Кабалевский, известна и любима во всем мире.

Органично несет она в себе главное, что волнует и вдохновляет всякого человечного человека на земле: гуманизм, мужество, превосходство добра перед злом. Несет ту действенную любовь к жизни, какую унаследовал Д. Б. Кабалевский от родителей, особенно от музыкально одаренной матери Надежды Александровны; она, как и Борис Клавдиевич, отец будущего композитора, заботливо поощряла проявившийся очень рано интерес ребенка к музыке, ко всему прекрасному.

«Есть в русском языке слово «прекрасный»,— размышляет сам музыкант.— Замечали ли вы, что слово это является превосходной степенью двух разных слов: «хороший» и «красивый»? Задумайтесь над этим, и вы убедитесь в том, что по-настоящему прекрасным может быть только то, что одновременно и *красиво и хорошо*!»

По мысли композитора, это относится не только к музыке, но и к человеку. И к любому результату человеческого труда. Красота лишь тогда красота, когда она нравственна, полезна, созидательна... Тут — высшая ступень искусства, совершенства, мастерства. Вкупе талант и труд создают Мастера; созданное композитором огромное музыкальное богатство — живое тому доказательство.

Однако же народный артист СССР, Герой Социалистического Труда Дмитрий Борисович Кабалевский не просто художник, не просто мастер. Он служит жизни, народу еще и как неутомимый общественный, государственный деятель, представляющий Искусство в парламенте Советской страны. По его словам, «музыкант не может питаться одной музыкой». Музыканта питает вся жизнь, как она есть, со всей ее сложностью, со всеми переживаниями, которые и становятся для художника источником подлинного искусства.

Все сочинения Кабалевского — от детской песенки до симфонии, концерта, оратории, оперы — словом, вся его музыка, столь разнообразная по жанрам, одинаково поражает цельностью и благородством содержания, постоянством нравственного, эстетического направления. В то же самое время художнику присуща глубоко скрытая, но несомненная — при всей его деликатности — принципиальная боевитость. Кажется, ну как отнести это задиристое слово к такому мастеру, как Кабалевский, к такой музыке, какая выражает личность Кабалевского... Но маститый композитор всю жизнь был и сегодня остается борцом за музыку — именно прекрасную. Недаром же он считает, что нынешняя музыкальная жизнь в известном смысле представляет собою «...поле битвы, на котором сражается все хорошее против всего дурного, причем дурное частенько оказывается более активным и воинственным, чем хорошее. Пошлость, безвкусица — они ведь очень нахальны и въедливы! Только я хочу подчеркнуть, что речь идет не о борьбе серьезной музыки против музыки легкой! Борьба идет прежде всего за хороший вкус, за понимание того, «что такое хорошо и что такое плохо» в любой области, в любом жанре музыки».

Вот так очерчена самим композитором (в письме к одному из его многочисленных корреспондентов) позиция, которую он занимает и в музыке и вообще в жизни. В своих взглядах, поступках, действиях он постоянен и неуступчив. И особенно упорно настаивает на том, что музыка должна делать людей лучше: красивее, добрее, отзывчивей. Иначе говоря, музыка — могучий воспитатель и ни в коем случае не средство пустого развлечения; в этом случае она отвратительна и вредна.

Именно так высоко ценили музыку все великие музыканты мира. Именно такой видит музыку Д. Б. Кабалевский, наш современник, неустанный труженик и творец. Не только прекрасными сочинениями, но и книгами, письмами, лекциями, неустанным преподавательским трудом он внедряет свои идеи в нашу жизнь, облагораживая и обогащая ее.

Будучи учеником выдающихся музыкантов — Гольденвейзера, Катуара, Мясковского,— композитор сам дал дорогу в творчество, указал жизненный путь многим талантливым людям, чьи имена широко известны ныне в искусстве. Достаточно назвать Р. Щедрина, Ю. Милютина, С. Баласаняна...

Сложны, а иногда, кажется, даже непостижимы тайны создания музыки настоящей, которая каждому человеку говорит нечто свое, сокровенное... Приобщая молодых к познанию законов такой именно музыки, Д. Б. Кабалевский в стенах Московской консерватории передал им стремление к новаторству, неотрывное от глубины и сердечности, от традиций народного мелоса...

Задача всякой вообще музыки, считает композитор,— развить хороший вкус.

«Я не люблю,— признается он,— угрюмых людей, полагающих, что любовь к серьезной музыке обязательно предполагает отрицание и неуважение ко всем видам легкой музыки, в том числе и к джазу *вообще* без разбора: *хорошая* это легкая музыка или *плохая*. Ведь и симфоний пишется много плохих, скучных, серых, лишь убивающих интерес в людях к серьезной музыке. Когда я писал музыку к кинофильму «Антон Иванович сердится», я вполне разделял (и сейчас разделяю) основную мысль этого фильма: хорошая оперетта лучше плохой симфонии».

Ничего никому не «запрещая», более того, считая, что любые запреты могут только отвратить людей, особенно молодых, от серьезной музыки на всю жизнь, Д. Б. Кабалевский является страстным пропагандистом главных богатств музыкального искусства. Он занимается этой пропагандой всю жизнь, но особенно с предвоенного 1940 года, с тех пор, как стал коммунистом. «Это дало мне еще больше сил и энергии, сделало всю мою деятельность более целеустремленной. Быть членом партии, коммунистом — это значит... каждое свое дело оценивать как частицу общего дела своего народа, не жалеть сил для своей Родины».

Среди великого множества «подопечных» коллективов, пестуемых Кабалевским, именно школа прежде всего остается предметом неослабного внимания композитора.

Дети. Их всестороннее развитие. Приобщение ребенка к прекрасному... Для Дмитрия Борисовича тема детства — это тема жизни, а сами дети с их мировосприятием, их душевной чистотой и необычайным запасом фантазии — своеобразные сотворцы его собственной чудесной музыки. Да он и сам говорит: «...Никогда не делил жизнь на различные возрасты. Поэтому в «Реквиеме» не мог обойтись без детей, поэтому весьма серьезную (не без трагических нот) Четвертую симфонию вывел в финале к чему-то вроде «гимна молодости», поэтому в «Семье Тараса» (несколько изменив в этом отношении первоисточник — «Непокоренные» Б. Горбатова) укрупнил образ старой Евфросиньи и вывел на первый план школьников Настю и Павку. Жизнь (в творчестве) трудно делить по возрастному принципу. Вероятно, поэтому у меня есть и песенки для самых маленьких малышей и сонеты Шекспира, ни один из которых, кажется, не обходится без слова «смерть»... Но при всем этом я не могу отрицать того, что *тема* детства, юности, молодости, очевидно, преобладает в моей музыке... Скажу больше: это излюбленная моя тема, так же как самым любимым и дорогим из всего, чем я в своей жизни занимался, была и продолжает оставаться работа для детей и с детьми, для юношества и с юношеством. Это моя самая большая радость, самое большое счастье, это мой мир».

Как педагог, работающий с детьми, Кабалевский известен ничуть не меньше, чем как композитор. Причем известен как педагог особенный, имеющий свою систему, свои методы музыкального обучения малышей,— он ведь начинает занятия с первого класса.

В обычную московскую 209-ю общеобразовательную школу Дмитрий Борисович приходит каждую неделю. Приходит без всякого ажиотажа, помпезности. Просто — на очередной свой урок.

Наверняка наши читатели смотрели по телевидению эти удивительно поэтичные, а в то же время вполне деловые, серьезные уроки Кабалевского. Они учат и нас. А от него требуют бесконечного терпения, поскольку, утверждает композитор, воспитание хорошего вкуса — «дело сложное и кропотливое».

Так оно и есть...

Каким же чутким внутренним камертоном надо обладать, чтобы столь счастливо и полно откликаться на душевную, творческую жизнь народа, жизнь детства, с которой начинаемся мы все.

Композитор ведет урок в 209-й школе Свердловского района Москвы.

Песня...

«Реквием» Д. Кабалевского в Большом зале консерватории. Дирижирует автор.

Из разных городов съезжаются учителя, чтобы постигнуть законы преподавания Музыки.

ЛИЦОМ К ЗАРЕ

Книги поэтов лежат на столе, терпеливо ждут,— разные книги... И вот наступает час, когда входишь в их мир. Среди книг есть такие, которые берешь в руки, как письмо от друга, которого уже нет; а есть и такие, читать которые заставляешь себя усилием воли — слишком много твоего, личного, сокрыли они в себе.

Сборник Сергея Орлова «Костры» вышел после смерти поэта. Его составили многие стихи, которые Орлов не публиковал при жизни, очевидно, не считая их законченными, отточенными, сделанными. А стихи-то были прекрасные! Прочтя их, становится ясно, что удивительная чистота поэтического мышления С. Орлова родилась еще до Отечественной войны, когда окреп его дар. Уже до войны он был настоящим поэтом с чертами собственного почерка, со своим образным миром.

Давным-давно огни погасли в хатах,
А коростель скрипит, во ржи скрипит,
Над полем месяц тонкий и горбатый,
Как будто серп, на гвоздике висит.
Хлеб жала девка, тяжко поясница.
Окутал землю вечер полутьмой,
Серп на звезду ближайшую, как спицу,
Повесила и спать ушла домой.

Это стихотворение «Ночь», написанное в 1940 году. В сборник вошли и неизвестные ранее стихи о войне и произведения последних лет.

Прости, земля, что я тебя покину
Не по своей, так по чужой вине
И не увижу никогда рябину
Ни наяву, ни в непроглядном сне...

Есть в стихах Орлова та жестокая простота, которая определяет истинную поэзию.

Книга стихов «Костры» добавляет новые штрихи к образу прекрасного русского поэта С. Орлова, выразившего в своем творчестве трагедии, мечтания и будни поколения, мужавшего в годы Великой Отечественной войны.

Сборник Владислава Шошина «Стихотворения», выпущенный Лениздатом в 1979 году,— книга поэта другого поколения. И не только поэта — многим, вероятно, известны работы литературоведа В. Шошина, и прежде всего книги о Николае Тихонове. Но стихи никогда не были «вторым планом» работы В. Шошина. Лирик по видению мира, человек, влюбленный в русскую природу, в песню, он уже давно обратил на себя внимание читателя.

Откровенно говоря, беря в руки сборник стихов В. Шошина, ожидаешь, что столкнешься с тихоновской традицией, с бурлящей, громкой романтикой его стихов. Но В. Шошин — поэт, сумевший при всей любви к Н. Тихонову пройти мимо влияния этого большого мастера, нашедший свой почерк, свое поэтическое видение мира... Ему свойственны задумчивость, тихая радость человека, ощутившего свою связь с природой, любование пейзажем. От студенческих стихов начала пятидесятых годов: «Было чувство счастья и свободы, все на свете было нипочем, мы друзей учились в эти годы загорелым чувствовать плечом!», от стихов-странствий, написанных позднее («Дорога на Кулунду», «Беловодье», «Песни Алтая»), до произведений последних лет идет постоянный поиск поэта. И запоминаются его опыты в области песни («Я о стране моей пою») и циклы последних лет (особенно «Зеленый полустанок») — добрые, душевные произведения...

В. Шошин — поэт русского пейзажа, родной природы. Но ему понятны, близки и дороги — и именно здесь сказались уроки Н. Тихонова — и озера страны Суоми, и горы Болгарии, а главное, мысли, чувства, настроения людей самых далеких краев и стран. Именно в пространственной многоплановости и поэтической глубине одна из привлекательных черт сборника В. Шошина.

«День забот» — так назвал свою книгу Георгий Некрасов, поэт старшего поколения, говорящий с себе: «Скрылась юность и молодость тоже. Но сквозь плотную толщу годов буду видеть их, сколько б ни прожил, как бессонный огонь маяков. Штурмовые нелегкие ночи пятилеток, входивших в наш быт, и великое слово — рабочий, устремлявшее души в зенит».

Этот поэт по-настоящему трогателен в своей верности тридцатым годам. Его глубочайшая искренность, его умение выйти из сложностей сегодняшнего дня в мир того уже далекого и уже легендарного времени не могут не волновать. «Стихи о матери» («Двадцатый год. В квартире холод. На плитах чугуны пусты»), его сонет, посвященный Вс. Рождественскому, его полные волнения строки стихов «Читая старые газеты» — все это связано с биографией поэта.

Г. Некрасов всегда казался мне продолжателем и наследником творчества пролетарских поэтов послереволюционных лет. И он действительно — и это ощутимо в его новой книге — сумел сохранить драгоценную цельность поэтического характера и убежденность, что сама Вселенная начинается на заводе, в цеху, создана руками рабочего человека:

«Светило в космической печке уже докрасна накалили. И вот невидимкою-краном его опустили за рощу к неведомой наковальне». И далее — о «чернильных тучах»: «И кажется мне, что бульдозер их двигает неумолимо». И наконец: «Невидимый молотобоец кует раскаленное солнце, слепя помрачневшие окна».

Это о грозе! Строки рабочего, влюбленного в свой труд, строки человека-творца, уверенного в своей силе.

...Книги лежат на моем столе — в них взволнованное слово о мире вокруг нас, суровом и добром мире.

Дм. МОЛДАВСКИЙ

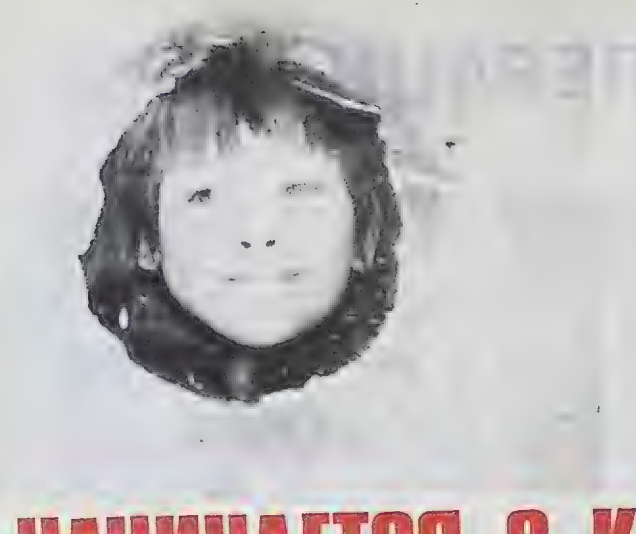
Ленинград.

Как там, на улице!

ГОД

Начало см. на II стр. обл.

Чем меньше горка, тем больше веселья.



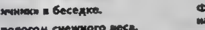
…В предпоследний день прошедшего года от подъезда 2-го Московского часового завода отошла колонна автобусов с желтыми табличками: «Осторожно — дети!» Прохожие, видя ребячьи лица за стеклами окон, понимающе кивали головами. И, наверное, немного завидовали школьникам, которые называют эти дни не «последними», «уходящими», а первыми днями каникул!

Автобусы остановились километрах в восьмидесяти от столицы, в красивейших местах за Истрой, у заснеженных корпусов дома отдыха «Румянцево». Здесь уже много лет проводят свой короткий зимний отдых дети рабочих нескольких московских предприятий горкома профсоюза рабочих машиностроения и приборостроения. В тот день в «Румянцево» приехали 180 ребят.

«Короткий отдых» — это по нашим, взрослым меркам. А для школьников — целых двенадцать дней! Почти две недели — ни уроков, ни домашних заданий, зато сколько угодно веселья, игр, развлечений! Сразу же бросились к лыжехранилищу, и свежие двойные следы разбежались от дома отдыха по густым окрестным лесам. Ближайшие холмы, правда, маловаты для саночных соревнований, но просто для катания — годятся! Кто-то в клубе проверяет, как звучат голоса со сцены. Застучали по теннисным столам белые шарики в корпусах. Наспех сколоченные команды уже гоняют по заснеженной площадке футбольный мяч… Ребята с эмблемой «Слава» на спортивных костюмах такой «несерьезности» позволить себе не могут — у них планомерные тренировки, у них — соревнования, в которых им предстоит защищать честь спортклуба часового завода. Озадачен опытный физорг, токарь Виктор Бугров — в плане столько соревнований, игр, походов, надо успеть разобраться во вкусах ребят, создать спортивные коллективы. Масса забот у старшего пионервожатого, шлифовщика Алексея Гортунова: встреча Нового года, концерты, конкурсы, самодеятельность — программа огромная! А в каникулах только двенадцать дней…

НАЧИНАЕТСЯ С КАНИКУЛ

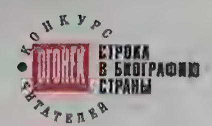
Москвичам такой «транспорт» — в новинку.



«Девчинки» в беседке.

Футбол на снегу.

Под пологом снежного леса.



ОПЕРАЦИЯ

Григорий ПЕНЕЖКО,
Герой Советского Союза

Всякий раз, когда я слышу о Тбилиси, я невольно вспоминаю человека, который подарил мне жизнь.

В тылу фашистов, за Кировоградом, меня сильно изувечило: осколки снаряда пронизали живот и грудь. Приступы удушья и боли заставляли спать сидя и питаться только жидкой едой. Врачи не могли определить, что произошло у меня внутри, а мне казалось, будто желудок сидит в груди. Я перечитал все по полостной хирургии и понял, что меня ждет мучительный конец или небывалая операция, так как ее описания нет даже в учебниках. Больше двух месяцев меня мытарили по госпиталям, а потом сказали, что не могут мне помочь, но поддержали дух: «В Тбилиси объявился отчаянный хирург, отправим вас к нему с нарочным».

В офицерском госпитале меня принимал врач, похожий на молодого зубра. После недолгого осмотра басовито пообещал: «Будем лечить» — и положил в одиночную палату, в «мертвецкую». Медсестра устроила мне из матрацев сидячую постель и с гордостью сказала, что принимал меня сам главный хирург — Мамия Эседович Комахидзе и что раненые зовут его Мамед Сидорович.

Комахидзе не давал мне покоя своими обследованиями, а я и словом не обмолвился о том, что чувствую внутри,— опасался, как бы не отправил в другой госпиталь. Я узнал, что он делает тяжелые операции еще в двух солдатских госпиталях, сутками не бывает дома, а молодая жена, преподаватель анатомии в институте, бегает с кастрюлями по городу, ищет его, чтобы накормить.

Как-то Комахидзе, заметив, что я прислушиваюсь к игре на рояле в соседнем доме, неожиданно предложил сходить в оперный театр. Я с радостью согласился, и начальница моего отделения Русудан Чавчавадзе повела меня на «Абесалом и Этери». Ее муж погиб на фронте, и ее большие черные глаза были полны тоски и боли. Она пошла со мной только потому, что попросил Комахидзе.

Стройная и женственная, в черном длинном платье, она с достоинством вела меня под руку. Я был на голову ниже ее, в линялой и продырявленной осколками гимнастерке с неотстиравшимися следами крови и неистребимым запахом танка, в кирзовых сапогах с чужой ноги. Мы шли сквозь нарядную толпу под огнями хрустальных люстр, и шумный грузинский говор обрывался, люди поспешно уступали нам дорогу. Когда погас свет и полились напевные песни Грузии, я забыл о своих напастях, а Русудан уже казалась мне призрачной богиней в тени нашей ложи. На меня нахлынула охмеляющая радость, жизнь торжествовала и звала...

Утром Комахидзе осмотрел меня и заметил еле слышно: «Радость рождает силу». Потом он долго обследовал меня, просвечивал на столе-качалке, затем усадил на табуретку и торжественно объявил: «Здесь желудок сидит,— и приложил руку к левой стороне моей груди,— а сердце вправо ушло. Случай небывалый!» От удивления он хлопнул в ладоши, пообещал: «Покажу вас нашему консультанту, академику Мухадзе». Теперь я убедился, что он не отправит меня в другой госпиталь, и рассказал ему все, что со мной произошло после ранения и как я почувствовал желудок в груди.

Академик Мухадзе вертел меня перед рентгеновским аппаратом, щурил глаза на экран и вслух рассуждал, что никаких повреждений у меня не видит, желудок на месте, и объявил свое заключение:

— Капитан здоров! Может ехать на фронт...

Они долго спорили, просвечивали меня, лежащего вниз головой, трясли и снова спорили. На меня нашла усталость, и я невольно подумал, что после второй такой консультации операция мне уже не понадобится. «Как себя чувствуете?» — услыхал я над собой голос академика. Обида давила на сердце, и я поддержал его заключение: «Рвусь на фронт, да Комахидзе не отпускает...»

Мамия Эседович обнял меня за плечи и поспешно повел из кабинета.

— Я решаю, как поступить с больным! Не волнуйтесь! — убеждал он.

— Согласны на операцию? Только под местным наркозом. Пощекочет, пощемит немного — часа четыре. Зато сразу на ноги встанете.

Я обрадовался, потому что слышал, как его коллега отговаривал его, мертвецам, мол, операции не делают. Я стал просить, чтоб он скорее начинал — дышать было нечем, и мне хотелось только одного, чтоб он скорее разрезал грудь и впустил в нее воздух. Комахидзе кивнул головой — согласен, значит — и посоветовал написать письмо родным. Но я с укором сказал ему:

— Я умирать не собираюсь. Верю в вас, а письмо напишу потом.

Он покраснел, сослался на приказ командования и быстро ушел.

Медсестра принесла мне серый треугольник — письмо с фронта. Мой механик-водитель танка Андрей Никачало писал, что наша 31-я танковая бригада 17 марта вырвалась к Днестру у местечка Сороки и что сам маршал Ротмистров поставил им боевую задачу прорваться к Пруту. Пишет он с правого берега Днестра, боевые товарищи вспоминают обо мне, требуют не задерживаться и догонять их по танковому следу в Румынии.

Письмо так подняло настроение, что даже удушье отступило, и мне страстно захотелось выйти на улицу. Вскоре пришла санитарка готовить меня к операции. Но как она ни настаивала, бороду я не дал ей брить. Она возмутилась, позвала Комахидзе, я объяснил ему: «Борода клятвенная! Клялся не брить до Победы!» — и предложил надеть на нее наволочку.

Комахидзе улыбнулся, кивнул, и мне на подбородок натянули мешочек от салфеток, а товарищи гурьбой отвезли меня на тележке в операционную.

...Перед глазами висела простыня, но через дырки в ней я все видел. Круглые часы на шкафу показывали двенадцать — осталось терпеть два часа. У правой стены на табуретке мирно дремал академик, а надо мной наклонился Комахидзе и копался в моих внутренностях. Он с радостным и гордым видом выпрямился и позвал академика. Мухадзе поспешно по-стариковски поднялся, подошел к столу и нагнал холодного воздуха под сердце. Комахидзе что-то показывал ему и спрашивал по-грузински, а тот заглядывал в полость живота то с одной, то с другой стороны, удивленно открывал прищуренные глаза и пожимал плечами, а потом, разговаривая сам с собой, пошел на свое место. Комахидзе вдруг по-русски с возмущением вскрикнул: «На кой черт я тогда звал тебя?» — да так громко, что у кого-то из женщин инструмент выпал из рук и зазвенел на полу. Это, видимо, успокоило Комахидзе, и он стал просить академика:

— Ну, скажи, как делать?..

Мне становилось хуже, не хватало воздуха, но я не выдержал и от души рассмеялся. Комахидзе быстро подошел ко мне и пристально посмотрел в глаза. Я подморгнул ему в сторону академика — чего ты, мол, от него добиваешься — я знаю — и тоном заговорщика сказал: «Режь перепонку и вытаскивай требуху, а потом выпьем шампанского»,— мне очень хотелось пить. «Выпьем! Выпьем!» — ласково согласился он, ушел за простыню и опять занялся мной. И вдруг я перестал чувствовать пальцы на ногах и руках. Хотел сказать об этом сестре у изголовья, но голос у меня пропал, а она смотрела куда-то в сторону. Мне показалось, что я ждал бесконечно долго, пока она не повернула голову и наши глаза встретились. «Мамия! Пульс пропал!» — испуганно крикнула она.

Надо мной выросла голова Комахидзе, и я моргнул ему, что все идет нормально, не волнуйся, мол. Он внимательно поглядел на меня, спокойно сказал сестре: «Давай кровь...» — и опять занялся операцией. С кровью тепло пошло по телу, я почувствовал пальцы, появился голос. Но вот Комахидзе что-то с бульканьем и урчаньем стал вытягивать из груди, и на сердце хлынул холод. Я догадался, что он вытащил желудок. Академик подошел к операционному столу, и Комахидзе показал ему что-то, тот согласно закивал головой и направился к двери, приговаривая: «Век живи, век учись, а дураком, видно, помрешь!»

Комахидзе оперировал почти пять часов. Когда он закончил зашивать, устало опустился на табурет около меня и категорическим тоном обнадежил: «Теперь будешь жить!»

Я посмотрел на него с благодарностью и согласился:

— Ну, а куда теперь денешься, если уже сшили...

Он хмыкнул, проводил меня в палату и остался ночевать в госпитале.

Еще целый месяц Комахидзе боролся за мою жизнь, а когда я встал на ноги, отправил в сочинский госпиталь для полного выздоровления. Там я узнал, что меня хотят отправить в тыл, и дезертировал на фронт.

* * *

С Комахидзе мы встретились совсем недавно. Все эти десятилетия я пристально следил за ним, знал о сотнях спасенных им людей, знал, что его избрали академиком. И сейчас он приехал в Москву на сессию Академии медицинских наук, а его жена — Нина Александровна Джавахишвили, член-корреспондент той же академии — еще и на сессию Верховного Совета СССР. Она искренне удивилась, когда увидела меня: «Разве это тот старик? Не хромает... Не хрипит...»

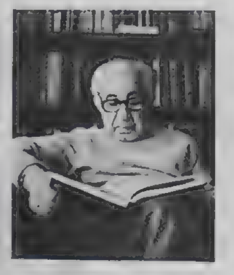
Рядом стоял стул, и я с места сделал на нем стойку. Нина Александровна испуганно ахнула, а я встал на ноги и сказал: «Показывал надежную работу хирурга Комахидзе». Он улыбнулся доброй улыбкой, что-то вспоминая, потом проворно достал книгу из портфеля и подал ее мне. «Очерки о хирургической работе офицерского госпиталя»,— сказал он и добавил: «Здесь описана и ваша небывалая в хирургии операция».

— А где борода? — спросил Мамия Эседович, улыбаясь.

И тогда я громко отрапортовал:

— Сбрил в День Победы! Клятву не нарушил!

Мамия Эседович Комахидзе.
Фото С. Власова



ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ

С ЧАСАМИ ЗА ПЛЕЧАМИ

Из Триберга в горах Шварцвальда (ФРГ) они отправляются на международную ярмарку часов. Самобытные изделия народных умельцев этого района, радующие глаз неповторимым своеобразием национального колорита, непременно станут ее украшением.

ТОЖЕ ИСКУССТВО

Искусство фигурной стрижки садовых деревьев таит в себе много сложностей. Но, овладев им, один из жителей пригорода Бедфорда (Англия) сумел создать вот такую любопытную композицию.

СОБАЧЬЕ ХОББИ

Хозяин этой собаки, житель Майами (США), утверждает, что она очень любит кататься на водных лыжах.

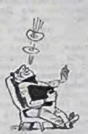
ЧЕМ МЕНЬШЕ, ТЕМ ДОРОЖЕ

Эта взрослая лошадь достигает 80 сантиметров в высоту и весит около 20 килограммов. Однако купить такую «живую игрушку» для своих детей далеко не всем родителям по карману. Кстати, выращивание карликовых декоративных лошадок приносит аргентинскому фермеру Л. Мониньо гораздо больший доход, чем былое разведение обычных тягловых лошадей.

Валентин БОРИСОВ

Афоризмы

Обаятельный даже для решительного «Нет!» найдет мягкий полутон.



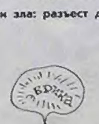
Добродушие так отличается от доброты, как бездействие — от действия.

Не одинок человек, нашедший самого себя.

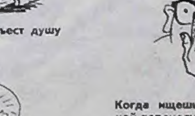
Нет плоских людей, которые бы не пыжились.

Чтобы бороться со злом, надо знать его корни.

Лишь тот легко прыгает, кто много ходит.



Не так зла: разъест душу



Когда ищешь очки, тронь рукой переносицу.

И золотая мысль не блестит, пока ее в серебро слов не оправишь.

В люди иной раз выбивается тот, кто им совсем не нужен.

АВТОРУЧКА ПОЛУЧАЕТ ИМЯ...

КОНКУРС ЗАВЕРШЕН. 1869 ПРЕДЛОЖЕНИЙ ЧИТАТЕЛЕЙ «ОГОНЬКА» РАССМОТРЕНЫ ЖЮРИ.

«Огонек» (№ 32, 1979) репортажем «Вечные «вечные» ручки» рассказал о новинке Московского завода пишущих принадлежностей имени Сакко и Ванцетти — авторучке «АР-602». Внешне обычная, авторучка отличается двумя особенностями: рутениевым упрочнением пера и новым наборным механизмом — сменными чернильными баллончиками. Работники завода предложили читателям «Огонька»: дайте новой авторучке название...

— Согласитесь, выбрать одно из 1869 предложенных названий довольно трудно,— сказал директор завода, председатель жюри Г. Б. Николаев.— Хотелось, чтобы название было не только достаточно оригинальным, но и в какой-то мере раскрывало назначение авторучки или было связано с ней какими-то другими нитями. В таком названии, как «саквана», есть созвучие с названием завода имени Сакко и Ванцетти. А вот, скажем, в десяти письмах есть такое предложение — назвать авторучку «мечта». Внешне на первый взгляд вроде бы вполне приемлемое, даже лестное предложение. Но ведь есть электроплита «мечта», есть не менее пяти других изделий с такими же наименованиями. Значит, о новизне и говорить не приходится...

Во многих письмах дана оценка продукции нашего завода. Мы признательны как за добрые пожелания, так и за критические замечания. Спасибо авторам писем за активность, за творческий подход, деловитость и искреннее желание помочь. Хочу отметить, что нередко занятие автора или его профессия отразились и на предлагаемом «имени». Скажем, учительница из Коряжмы Вера Александровна Плахова считает, что авторучку можно было бы назвать «отличница». Обстоятельное письмо прислал Л. Каменев из Сочи: он рассказывает о безотказно работающей у него авторучке и хотел бы, чтобы новая как-либо напоминала о московской Олимпиаде. К слову, олимпийских названий предложено больше всего — несколько десятков.

Но жюри все же отдало предпочтение двум наименованиям — «саквана» (И. Козерог из Донецка) и «деловая» (москвич В. Цимбалов).

— Какое же из этих названий будет дано авторучке «АР-602»?

— «Саквана». Мы не могли не отметить того приятного факта, что конкурс прошел очень активно, письма получены буквально из всех республик страны, из многих областей и городов, из самых дальних сел. Поэтому жюри приняло решение: учредить не один основной приз, а два (авторучки «АР-602» и наборы продукции нашего завода), а также присудить еще пять призов — тоже авторучки. И пять поощрительных премий — образцы продукции завода. Таким образом, призы присуждены двенадцати участникам конкурса.

— Когда они получат их?

— В конце января — начале февраля посылки с призами сдадим на почту.

— Скоро ли авторучки «АР-602» поступят в магазины?

— Первая тысяча штук будет отправлена в один из московских магазинов буквально на этой неделе, а со второго квартала начнется серийный выпуск новых авторучек.

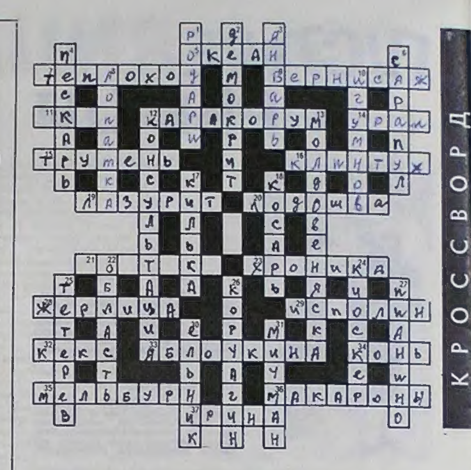
И в завершение позвольте еще раз поблагодарить всех, кто принял участие в конкурсе, кто помог его успеху.

К. КОСТИН

На снимке: идет заседание жюри.

Фото Н. Гаврилова

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК» выражает признательность руководителям объединения «Союзоргтехника», работникам завода имени Сакко и Ванцетти, сотрудникам одной из московских баз «Роскультторга», а также ВНИИ оргтехники за участие в работе жюри.



По горизонтали: 5. Симфония А. Г. Рубинштейна. 7. Современное самоходное судно. 9. Торжественное открытие художественной выставки. 11. Автоматически разгружающийся короб для подъема и завалки шихты в доменную печь. 12. Горная система в Азии. 14. Река, впадающая в Каспийское море. 15. Сатирический журнал, издававшийся русским просветителем Н. И. Новиковым. 16. Дикий голубь. 19. Ценный поделочный камень. 20. Часть обуви. 21. Раздел теории литературы. 23. Информационные сообщения периодической печати, радио. 28. Рыболовная снасть. 29. Великан, богатырь. 32. Кондитерское изделие. 33. Выдающаяся русская актриса. 34. Шахматная фигура. 35. Порт в Австралии. 36. Сухой пищевой продукт из пшеничного теста. 37. Действующее лицо в пьесе А. П. Чехова «Три сестры».

По вертикали: 1. Итальянский писатель, автор книг для детей. 2. Древнегреческий философ-материалист. 3. Месяц календарного года. 4. Рыба семейства карповых. 6. Город в Удмуртии. 8. Мыс, южная оконечность полуострова Камчатка. 10. Пианист, народный артист СССР. 12. Помощь преподавателя учащимся в усвоении предмета. 13. Народный хороводный танец. 17. Мелкая промысловая рыба. 18. Стихотворение А. В. Кольцова. 22. Административно-территориальная единица в СССР. 24. Продавец газет, журналов. 25. Лесная птица отряда куриных. 26. Герой книги Н. А. Островского «Как закалялась сталь». 27. Разновидность фортепиано. 30. Хвойный лес. 31. Звание в Военно-Морском Флоте СССР.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали: 1. Пятница. 4. Колонок. 7. Арка. 8. Титр. 9. Грейпфрут. 12. Веранда. 13. Голавль. 14. «Рославлев». 15. Авдотка. 18. Позитив. 21. Резервуар. 22. Илим. 23. Метр. 24. Конкурс. 25. Хатанга.

По вертикали: 1. Писарев. 2. Трактор. 3. Апофема. 4. Козерог. 5. Нахимов. 6. Кадриль. 9. Генератор. 10. Перламутр. 11. Телевизор. 15. Артишок. 16. Дилижан. 17. «Арзамас». 18. Плутарх. 19. Телегин. 20. Витрина.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Начальник трикотажного производства А. С. Лебедева поздравляет швею, коммуниста Л. А. Кавардину с выполнением пятилетки. ★ Вязальный цех. (См. в номере материал «Кто диктует темп».) Фото М. Савина

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Модели Таллинского Дома моделей демонстрируют Лариса Егорова и Сигрид Линдпярг. (См. в номере материал В. Морозовой «Что вы носите дома?») Фото Н. Гаврилова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Репортажа и новостей — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-21-13.

Сдано в набор 21.12.79. Подписано к печати 08.01.80. А 00302. Формат 70 × 108⅛. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 274. Заказ № 1674.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Что несут народу Кампучии...

«Конек» мистера Бжезинского.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Рисунки народного художника СССР
Бор. ЕФИМОВА

Видит око, да... руки коротки.

Нога в ногу...

ISSN 0131—0097
Индекс 70663
Цена номера 35 коп.

Моды